

Тридцать шесть клятв

Лао Чжу

Было около семи вечера, и уже понемногу начинало смеркаться. В парке, окружавшем «Речные заводы», горели фонари, часть которых отражалась в озере пруда, в центре которого находилась беседка. На площадке в центре парка были расстелены циновки – здесь будет проходить церемония принесения клятв. Место церемонии было по древней традиции окружено горящими факелами, сбоку стоял длинный стол, на котором находились подносы, уставленные фарфоровыми пиалами с рисовой водкой. Эти подносы в конце церемонии будут разносить те, кто еще не получил сорок девятый номер. В том числе маячивший в кустах Син, который сегодня держался гордо, но мрачно.

Лунтао вышел и занял свое место в восточной стороне площадки. Он был без рубашки, во время ритуала все братья могли видеть татуировки, украшавшие тело большого босса: тигра на плече и дракона на спине, а также символ семьи, под которым был написан номер должности – сы ба дзю, 489. Этот знак был на том плече, что не было занято ощерившимся тигром.

- Всем занять свои места, - скомандовал лунтао, зная, что никто не осмелился опоздать на церемонию.

Первыми должны были приносить клятвы трехзначные номера, кроме Гунмао, который произнес их много лет назад. Чисто теоретически, под амнистию попадал и Бизон, но он отличился сегодня утром, за что лишился подобной льготы.

Сяодунь Хань

При тех габаритах, коими матушка-природа наградила Бизона, ему было сложно держаться на виду у лунтао, но при этом не отсвечивать. Вроде и не нарвался толком, так, под горячую руку попал, но пришлось перечитать клятвы, чтобы ненароком не облажаться на новой должности Хранителя Благовоний.

Бизон почтительно поклонился лунтао, затем опустился на колени на циновку в первом ряду. Ему предстояло произносить клятвы вместе с другими трехзначными номерами. Судя по всему, в женской компании, потому что четыреста двадцать шестые были сами по себе. Будучи оптимистом по жизни, бугай видел хотя бы в этом преимущество своего нынешнего положения.

Он также был без рубашки, на его плече красовался символ триады с новым номером, совпадавшим с номером фу шан шу, но в данной ситуации все равно не дававший права дышать не по расписанию в присутствии Гунмао. Хранитель Благовоний – должность почетная, но власти особо не дающая. Спина бугая также была разрисована под хохлому, но дракона, полагающегося старшим, там не было. Зато размеры полотна позволили разместиться там тигру, крадущемуся в зарослях, и это все оставляло место для будущих экзерсисов татуировщика, когда Бизон планировал собраться с духом и вытерпеть новые экзекуции.

По-хорошему, бугай должен был сейчас следить за новичками, гонять тех, кто копошится в кустах, опаздывая к началу церемонии, и проверять готовность алкоголя к концу банкета. Подумаешь, спросил, где у четырехста тридцать второй знак семьи.

Чжэнь Лау

Все готово, но все равно мандраж, будто стоит кому-то из организаторов облажаться, и крайней окажется она. Тигр показательно не злился, и это особенно настораживало Чжэнь, которая по размеру зрачков лунтао определяла, когда он спокоен и благодушен, а когда именно «показательно не злится». И последнее могло быть веской причиной для ранней седины. Она честно пыталась заговорить с Тигром, но он от неё лишь отмахивался показательно вежливыми фразами. Один раз сказал собираться быстрее, один раз спросил, хорошо ли она запомнила клятвы. Сейчас Чжэнь старалась не встречаться с ним взглядом, она лишь прошла на свое место и села возле Бизона, опустив глаза.

Сегодняшний наряд четырехста тридцать второй, как она и обещала, позволял всем желающим увидеть татуировку со знаком триады: длинное черное шелковое платье, закрытое спереди, но обнажавшее всю спину,ставляло напоказ черную эмблему семьи, украшавшую светлую кожу на поясице Чжэни. Если кому-то кажется, что наши сотрудники недостаточно лояльны, им следует присмотреться внимательнее.

Про себя Чжэнь повторяла текст клятвы, который, разумеется, вызубрила наизусть. Задачей минимум на сегодня было не нарваться на Тигра, чтобы потом, поздним вечером, все же попытаться с ним нормально поговорить. При этом задачей максимум было не напиться в дрова до этого момента.

Мао Чун

- Не заходите за круг из факелов, пока не позовут. Вашей задачей будет принести подносы с водкой всем, кто принесет клятвы, до этого просто наблюдайте за церемонией, - объяснил Гунмао сыновьям, когда они подходили к месту принесения клятв. – Участие в церемонии в качестве зрителей уже дает вам место в семье. Эта должность называется «синие фонари», то есть люди, к которым присматриваются как к будущим сорок девятым.

На площадке уже был первый сюрприз – Бизон находился в первом ряду, а не подле лунтао, то есть ему предстояло самому приносить клятвы. Это несколько насторожило Кота, потому что он не мог с ходу догадаться, какая муха укусила сегодня большого босса, что часть церемонии была внезапно переиграна. Тем не менее, Гунмао скорчил покер-фейс и с гордым видом подошел к Тигру, после чего почтительно ему поклонился и встал по правую руку. Он уже приносил клятвы нынешнему лунтао, лет тридцать назад, когда закончил школу. Вряд ли сейчас смог бы сходу произнести весь текст, но при желании мог его вспомнить.

Кот также был без рубашки, что позволяло всем собравшимся видеть не только эмблему семьи на плече фу шан шу, но и дракона на спине, придуманного Кошкой. Гунмао был глубоко убежден, что этот знак отличия у него смотрится даже круче, чем у лунтао, которому эскиз наверняка придумывал татуировщик, так как ящер на августейшей спине все же не был крылатой аскаридой, коей драконов представляла

себе Чжэнь.

Оказавшись на своем месте на поляне, Гунмао скрестил руки на груди и окинул братву суровым взглядом полководца, принимающего парад. Почти все присутствовавшие были инфорсерами, то есть людьми, подчинявшимися фу шан шу даже больше, чем лунтао. За каждого из них Кот отвечал головой, потому никогда не позволял себе проявлять перед ними излишние признаки гуманизма и человечности, особенно когда братва собиралась в количестве больше двух. Тут у них с Тигром роли были расписаны традициями семьи: если лунтао просто суров, то фу шан шу, отвечающий за боевые операции, должен быть «ваще зверь».

Чжоу Мин

- Ты будешь приносить клятвы в числе первых, с Чжэнью и Бизоном, - предупредил Чжоу Сантану, когда они подходили к месту церемонии. – Там что-то сегодня поменяли, так что будь готова.

Он волновался за мэймэй сильнее, чем за себя, потому что не был уверен, что она как следует запомнила клятвы. Все же путунхуа не был её родным языком, а текста было много. При этом важность церемонии не допускала ошибок, особенно когда клятвы приносили трехзначные номера.

Чжоу знал, что Тигр был не в духе, его об этом предупредил Бизон незадолго до начала вечера. Бугай не стал подробно объяснять, в чем причина, но можно было догадаться, что как раз в нем. Новоиспеченный Хранитель Благовоний время от времени страдал словесной диареей, и этим легко нарывался на боссов, и тут вполне мог попасть под горячую руку.

- Иди вперед, я буду рядом, - негромко сказал Чжоу Сантане, после чего проверил, все ли из его отряда на месте, затем направился к другим четыреста двадцать шестым.

Руководителей отрядов было семеро, считая самого Чжоу. Среди них он был младше всех, но все же его уже начали воспринимать всерьез. Четыреста двадцать шестые выглядели серьезно и гордо, даже обычно укуренный Гуаньби был похож на человека. На поляне царила удивительная атмосфера, когда каждый из присутствовавших особенно четко чувствовал свое место в семье и был показательно дисциплинирован. Все, как один, были с татуировками с эмблемой семьи, все были сосредоточены, будто боялись забыть текст тридцати шести клятв. Сейчас могло показаться, что пекинская братва – это, действительно, вышколенная армия, хранящая традиции Пяти Предков, а не быдло, собранное по трущобам, и промышляющее преимущественно мелким рэкетом, охраной борделей и контрабандой.

Син Чжу

С самого утра Син старался делать вид, что все в порядке. Его несказанно злило отношение отца, и то, что сегодня в день принесения клятв придется быть мальчиком на побегушках. Будь Син чуть младше, он бы устроил некое показательное шоу, чтобы напомнить великому и ужасному лунтао, что у Чжу-младшего тоже может быть характер. Но сейчас здравомыслия хватило, чтобы быть

показательно вежливым.

Отец еще не принял окончательное решение насчет учебы, и Син надеялся, что после летних каникул удастся вернуться в Европу, подальше ото всех этих средневековых порядков, царивших в триаде. В идеале, при этом ему еще будут перепадать хоть какие-то деньги на карманные расходы.

Син понимал, что является наследником триады, и не хотел испытывать терпение отца, пытаясь этому противиться. Компания Хусин приносила баснословную прибыль, которая могла обеспечить наследника по гроб жизни, а работа в пекинском семействе была достаточно налажена, чтобы пришлось меньше пахать, чем отцу. При этом, зная Чжу Лао, Син понимал, что стоит ему хоть раз всерьез взбрыкнуть, его ждут проблемы посерьезнее не присвоенного сорок девятого номера.

К вечеру отец был чернее тучи. Судя по виду Лау ньюши, не без её участия. Этот дивный роман вызывал у Сина исключительно язвительные ухмылки, потому что стоило отнестись к происходящему хоть чуть-чуть серьезно, приходилось вспоминать мать. А эта тема была заперта на засов и восемь печатей, потому что и без неё наследнику триады было о чем думать. Без пяти минут мачеха была предана отцу и напрочь лишена инстинкта самосохранения – бесценно для любовницы человека, ни одна из постоянных подруг которого долго не прожила.

Син стоял за кругом из факелов и флегматично наблюдал за тем, как толпа голых по пояс мужиков преклоняет колени перед его отцом. Все казалось немного сюрреалистичным, больше подходившим для фильмов Эндрю Лау и Алана Мака, чем для реальной жизни. Эти люди когда-нибудь должны будут подчиниться ему, а сегодня он должен будет подносить им пиалы с водкой, находясь в должности синего фонаря, попросту говоря, шестерки без номера. Дивный способ поддержать авторитет.

Наследник триады при этом все равно старался выглядеть гордо, если не высокомерно. Он был одет с иголочки: дорогой костюм, белоснежная шелковая рубашка, золотые часы и перстень. В лучших клубах Лондона девицы липли бы на него как мухи на мед, рассчитывая если не на выгодную партию, то хотя бы на дорогие подарки. А тут он был сяо лунтао без права голоса, в полной мере чувствовавшим ту пропасть, что отделяла его стоявшего в стороне от приносивших клятвы сорок девярых, от отца, правившего всей этой вакханалией.

Цхао Ван

Церемония принесения клятв была похожа на таинственный ритуал, в то же время Цхао чувствовал себя частью пекинской семьи, находясь рядом с другими бойцами из отряда Чжоу. К подготовке все отнеслись серьезно, потому что не каждый день попадаешься на глаза лунтао и фу шан шу, да еще и в официальной обстановке. Как любой сорок девятый, Цхао понимал, кому влетит, если он что-то сделает не так: большой босс пропишет Гунмао, тот – Чжоу, а Чжоу, хоть и парень незлобный, в парикмахерские сошлет на раз или оставит без премии.

Весь отряд, курировавший поставки, перед церемонией немного принял для храбрости, но держались все достаточно уверенно, разве что Йен постоянно следил

за Гуаньжуном, чтобы тот не вертелся и не болтал. Растаман с довольной улыбкой находился где-то не здесь, но его можно было быстро разбудить, когда до него дойдет очередь произносить клятвы.

Цхао первый раз был на таком мероприятии, где собралось сразу все руководство. В городе он обычно чувствовал себя как рыба в воде, в Ванцзы атмосфера обычно была неформальной, и тоже как-то не чувствовалось, что все за тобой наблюдают, а сегодня было немного не по себе. Он хорошо выучил текст клятв, но все равно немного волновался перед церемонией, и мог лишь догадываться, как чувствуют себя те, кто совсем недавно попал в семью.

Сантана Ривера

Когда носишь гордое звание «мэймэй» в семье, то это подразумевает ряд важных обязательств перед братьями и большим начальством. В ее случае «мэймэй» давно, практически с самого начала, стало именем собственным, приравненным к ее личному и к четыреста пятнадцатому номеру, что был ей когда-то присвоен. И татуировка у нее на ребрах лишний раз подтверждала ее причастность к семье. Связывала до конца жизни. И если раньше Ривера никогда не задумывалась о том, что же будет так, дальше, когда она уже будет не такой... не такой, как сейчас, то в тот момент, когда она села в кресло к мастеру, ее осенило. Эта жизнь будет с ней до конца. Откровенно говоря, это стремно. Очень. Но разве может она признаться в подобном? Даже если только себе.

Помимо татуировка тигра, на шее все же появился тот-самый-бантик, о котором она рассказывала Чжоу. И на фоне всего этого, ее крест на поясице теперь смотрится ну очень антуражно. Именно из-за того, что татуировку она сделала на ребрах, пришлось долго думать о том, в чем сегодня идти на церемонию. Можно послать все нормы нахрен и просто быть топлес, но не тот контингент. Да и она морально к подобному как-то совсем не готова, как оказалось. Зато нашла в магазине шикарный кожаный топ, выполненный в стиле полуспортивного белья. Немного загнуть внутрь кожу, чтобы татуировку было полностью видно, и все. А дальше уже так, можно быть проще: кожаные брюки и босоножки. И шпаргалка с клятвами, которую аккуратно куда-нибудь прикрепить. Ей, конечно, приятно, что о ней все такого высокого мнения, но и ее возможности ограничены, особенно в плане путунхуа.

Странно, но нервозности она не испытывала. Видимо, сегодня вместо нее мучается Чжоу. Что ж, приятно иногда вот такие вот серьезные вещи, как нервы, доверить мужчине. Пусть развлекается. А она будет наслаждаться моментом. И несмотря на то, что произносить она все будет перед большим начальством, никакого священного трепета она не чувствует (пока что), наверное, потому что это начальство видит каждый божий день, а данная церемония засела у нее в сознание как очередное важное собрание, которое не стоит ее нервов. И так уже все высосали.

Бразильянка молча кивнула Мину, едва заметно улыбнувшись, после чего заняла свое место с правой стороны от Бизона.

Тай Чун

Тай неопределенно мотнул головой и саркастически приподнял левую бровь в

ироничном изломе, словно бы вопрошая - действительно? Я должен этим заниматься? Зачем, спрашивается, нужно было надевать пиджак, если они все равно будут выполнять роль официантов и мальчиков на побегушках? Старший ощутил довольно странное желание вслух сказать, что он не будет это делать, не столько потому, что на нем надет дорогой пиджак, сколько от того, что его немыслимая и переходящая все рамки гордыня попросту не позволяет этого делать. Тай не был чистоплюем, учитывая его наклонности к магии земле и любви в этой земле копать, но приносить подносы с водкой, как бы почетно это не казалось - ради чего?

Тай упрямо сцепил челюсти, отчаянно сдерживая желание послать всех к черту, и огромным усилием воли проглотил уже готовые сорваться с губ слова категоричного протеста. Как бы ему не хотелось воспротивиться такой незавидной участи "синего фонаря", он сам согласился ехать с отцом и сидеть тихо-мирно, наблюдая за церемонией принесения клятв. Это всего лишь испытание, когда будут оценивать готовность выполнять самую разнообразную работу, и нужно запихнуть свои амбиции куда подальше, как бы ни хотелось сделать абсолютно противоположное.

Юноша крепко сжал кулаки, явно представляя у себя по пиале в каждой руке - и какое удовольствие бы было эти пиалы раздавить, но затем сделал глубокий вздох и принялся рассматривать прочих людей, которых по причине обуздывания своих страстей изначально обделил вниманием. Воздух застрял в горле - Тай забыл выдохнуть, застыл, не сводя глаз с Риверы сяоцзе и хотел было...словом, он уже не мог вспомнить, чего хотел сделать, прикипев взглядом к наставнице. В этом...что это у нее? платье? а, неважно, выглядела она эффектно. Тай почувствовал, что у него взмокла спина, и постарался отвести взгляд. Куда там...

Тео Чун

Тео готов был сделать что угодно, лишь бы ему дали посмотреть на все поближе. И он так и не понял, почему брата такая роль невероятно задела, ведь если у Тео будет поднос, то он сможет беспрепятственно пялиться на всех тех, кто приносит клятвы, а есть ли в мире что-то еще столько же захватывающее, чем рассматривать окружающих людей? Тем более когда у них есть татуировки. Тео вытянул шею, стараясь получше со своего места рассмотреть настенную живопись на спине Бизона, и даже вздохнул, потому что с такого расстояния было видно все, кроме деталей, а их на спине бугая было очень много. Лау ньюши и Ривера сяоцзе не привлекли такого внимания, потому что на фоне Бизона, сказать честно, их было почти и не заметно, ну, можно сказать, что они прекрасно дополняли эту композицию, да и татуировок таких размеров у них не было. Словом, блин, как бы так подобраться поближе, чтобы еще и дракона лунтао получше рассмотреть, чтобы убедиться, что у папы лучше и вообще.

Младший даже забыл про злополучный пиджак, который минутой ранее душил, давил, колол, мешал и явно задумывал саботаж мирового порядка - отвлекаться на такую ерунду Тео счел нецелесообразным, и теперь боялся что-нибудь важное пропустить. как с ним повелось после памятной поездки на Цинмин, Тео был внимателен и довольно молчалив, пусть и ничто не могло скрыть распирающий его энтузиазм.

Рассматривая кучу народу, Тео практически не запомнил лиц, но все равно видел знакомые - в основном тех, что чаще всего появлялся вроде лунтао или тех, кто порой забирал их из Таем из школы и с тренировок, или даже сидел на охране в доме, словом, тех, кто мелькал перед взором. А еще тут был Чжу сяньшэн, который сяо лунтао, как называл его Тай, и выглядел он довольно угрюмым. Точь-в-точь Тай, но последний сейчас надежно нейтрализован Риверой сяоцзе, поэтому на вид намного дружелюбнее, чем обычно. Тео философски вздохнул и отвел взгляд от предмета сердечных волнений брата. А то не ровен час Тай в ухо двинет. Смотреть на Бизона безопаснее.

Лао Чжу

В начинавшемся ритуале было много театральности, но именно она и требовалась при возвращении к традициям тридцати шести клятв. Триада – это тайное братство, организация, которая способна существовать лишь в том случае, если каждый из братьев будет готов скорее отдать жизнь, чем предать остальных. В таком виде семью должны были видеть люди, приносящие клятвы, несмотря на то, что пекинский лунтао, далекий от слепой веры в людей, знал тысячу и один способ как добиться от людей преданности другими способами.

Уже почти стемнело, и площадка освещалась в основном факелами и светильниками, которые давали достаточно света, чтобы хорошо разглядеть все действие, но все же не так много, чтобы нарушить атмосферу тайного ритуала. Лунтао повернулся спиной к собравшимся и подошел к танке с изображением Гуань-ди – бога войны, которым стал Гуань Юй, легендарный герой Троецарствия. Тигр опустился на колени и зажег благовония перед танкой. После этого один из младших братьев, прислуживавших во время церемонии, принес ему черного петуха и кинжал, а другой – большой кубок, наполненный вином.

Лунтао принес петуха в жертву перед танкой бога войны, а кровь птицы слил в чашу, несколько капель из которой добавил в кубок с вином. Он вытер руки поднесенным ему влажным полотенцем, после чего поднялся от алтаря и подошел к Бизону, который должен был показать мастер-класс. Традиция допускала, чтобы клятвы не учились наизусть, а записывались на бумаге. Лист с текстом клятв сжигался в конце церемонии, и этого было достаточно для конспирации. Но Тигр предпочел, чтобы его люди выучили текст. Лунтао протянул чашу Бизону.

- Выпей, затем передай чашу Чжэнь и мэймэй. И я вас слушаю, - произнес Тигр.

После того, как произносилась клятва, младшие подносили посвящаемым зажженные благовония, которые в конце церемонии нужно было затушить, воткнув горящим концом в землю. Это означало, что как гаснет огонь, так погаснет и жизнь того, кто нарушил какую-либо из клятв братства. Бизон все эти детали ритуала знал лучше других, и тем лучше, что он будет клясться первым.

Сяодунь Хань

Как человек, много лет занимавшийся выбиванием долгов, Бизон совершенно не был впечатлительным. Ритуал с жертвоприношением его ничуть не смутил, как и тот факт, что придется пить вино с птичьей кровью. Всяко лучше, чем в той версии посвящения, когда все новобранцы прокалывают пальцы и добавляют в вино свою

кровь, которая смешивается в знак братания. Учитывая, что в триаде не бывает монахов, это, по мнению Бизона, было бы верным способом стандартизировать нехорошие заболевания у всей братвы.

Бугай пригубил вино и передал чашу Чжэни, после чего взял двумя руками тлевшее благовоние. Дождавшись, когда дамы будут готовы, Бизон начал читать клятвы. В это время он старался не встречаться взглядом с лунтао, но читал достаточно громко, чтобы в случае чего, как истинный джентльмен, прикрыть дам, в чьей памяти бугай немного сомневался.

— После прохождения через Красные врата я должен относиться к родителям и родственникам моих братьев по клятве как к своему роду, - начал Бизон уверенным басом. — Я умру мучительной смертью от пяти молний, если нарушу эту клятву. Я буду помогать моим братьям по клятве хоронить их родителей и братьев, предлагая материальную и физическую помощь. Я буду убит пятью молниями, если сделаю вид, что не знаю об их бедах. Когда братья Хун навестят мой дом, я дам им кров и приют. Я буду убит мириадами ножей, если отнесусь к ним как к чужакам. Я всегда узнаю братьев Хун, когда они идентифицируют себя. Если я их проигнорирую, я буду убит мириадами мечей. Я не должен раскрывать секреты семьи Хун, даже своим родителям, братьям и жене. Я никогда не раскрою секреты за деньги. Меня убьют мириады мечей, если я так поступлю.

Он говорил слово в слово тот текст, который раздавали братьям, потому что иначе мог бы сбить Чжэнь или мэймэй. Даже странно, как услужлива оказалась память, а то новоназначенному Хранителю Благовоний спотыкаться на тексте клятв — терять лицо перед всей братвой и нарываться на очень серьезный нагоняй от лунтао. А огорчить Тигра дважды за день — это уже перебор, жить все-таки хочется, лучше еще и не в Тяньцзине.

— Я никогда не предам братьев по клятве. Если, по недопониманию, я стану причиной ареста одного из моих братьев, я должен немедленно его освободить. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я предложу финансовую помощь братьям по клятве, находящимся в беде, чтобы они могли выплатить залог и т.п. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я никогда не причиню вред моим братьям по клятве и Старшему Брату. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей, - это все звучало громко и гордо, как предвыборные обещания. — Я никогда не буду вести себя недостойно в отношении жен, сестер и дочерей моих братьев по клятве. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву. Я никогда не отниму деньги и собственность моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я буду заботиться о жене и детях братьев по клятве, которые были вверены мне для заботы. Если я так не сделаю, меня убьет пять молний. Если я сообщил о себе ложную информацию, чтобы стать членом семьи Хун, меня убьет пять молний. Если я изменю свое мнение и отрекусь от членства в семье Хун, меня убьют мириады мечей. Если я ограблю брата по клятве или помогу другому это совершить, меня убьет пять молний. Если я воспользуюсь преимуществом в отношении моего брата по клятве, чтобы вести с ним бизнес нечестным образом, меня убьют мириады мечей. Если я осознанно переведу деньги или имущество моего брата по клятве в свое личное пользование, я буду убит пятью молниями. Если я по ошибке во время ограбления завладел деньгами или имуществом брата по клятве, я обязан их вернуть. Если я так не сделаю, меня убьют пять молний.

Бизон читал смертные клятвы как нечто само собой разумеющееся. Он не просто приносил обещания, он говорил о том кодексе чести, который и так привык соблюдать. Его отряд имел дело с большими деньгами и действовал жестоко по отношению к тем, кто эти деньги пекинскому лунтао не отдавал, но при этом бугай даже не пытался отложить часть долгов или процентов в свой карман, хотя среди должников было немало тех, кто предпочел бы окупиться лично от Бизона, чтобы получить время уйти из города. Просто всех денег не заработаешь, а предавать босса не по понятиям.

— Если я буду арестован во время совершения преступления, я должен принять наказание, не подвергая обвинению братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Если кто-то из моих братьев по клятве будет убит, арестован или выслан в другое место, я буду помогать его жене и детям, которые могут находиться в нужде. Если я сделаю вид, что мне неизвестно об их трудностях, меня убьет пять молний. Если другие пристают или обвиняют моих братьев по клятве, я должен вступить за них и оказать помощь, если он прав, или посоветовать ему сдаться, если он неправ. Если другие неоднократно на него нападают, я должен сообщить об этом остальным братьям, чтобы оказать ему физическую или финансовую помощь. Если я не сдержу эту клятву, меня убьет пять молний. Если мне станет известно, что правительство ищет кого-то из моих братьев по клятве, который приехал из другой провинции или из-за границы, я должен немедленно ему сообщить, чтобы он мог сбежать. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я не должен сговариваться с чужаками, чтобы обмануть моих братьев во время азартной игры. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я не должен вызывать разлад среди моих братьев по клятве, распространяя ложные сообщения о ком-либо из них. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей, - и даже эту клятвы Бизон отлично понимал и соблюдал, несмотря на то, что был центром сарафанного радио Северной Столицы.

— Я не должен назначать себя старшим братом. Через три года после прохождения через врата Хун лояльные и преданные могут быть повышены в звании с поддержкой братьев по клятве. Меня убьют пять молний, если я самолично присвою себе титул.

Значение этой клятвы обычно пояснялось отдельно. Возвращение к традициям делало невозможными такие назначения, которые прежде были в семье Тигра. Теперь, как и было испокон веков, трехзначный номер можно было получить минимум через три года в статусе сорок девятого. Мэймэй вовремя успела спасти жизни авторитетов и отличиться в войне с японскими чертями.

— Если мои родные братья вовлечены в спор или тяжбу с моими братьями по клятве, я не должен принимать чью-либо сторону, но должен способствовать мирному обоюдовыгодному решению проблемы. Если я нарушу эту клятву, меня убьют пять молний. После прохождения через врата Хун я должен забыть обо всех обидах и претензиях в отношении братьев по клятве. Если я так не поступлю, меня убьют пять молний. Я не должен переходить дорогу моим братьям по клятве, покушаясь на их территорию. Меня убьют пять молний, если я сделаю вид, что не знаю об их интересах, - продолжал твердить Бизон, глядя на то, как тлеет ароматическая палочка в его руке. Дым благовония пах сандалом. — Я не должен жаждать или

искать имущество моих братьев по клятве. Если у меня возникнут такие мысли, меня убьют. Я не должен сообщать, где мои братья по клятве хранят свое богатство, также я не должен использовать эти знания неправильно. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должен поддерживать чужаков в том, что противоречит интересам моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должен использовать братьев Хун как средство устрашения или физического давления в необоснованных случаях. Я должен быть умеренным и честным. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Меня убьет пять молний, если я поведу себя грубо в отношении маленьких детей моих братьев по клятве. Если кто-то из моих братьев по клятве совершил серьезное преступление, я не должен сообщать об этом правительству для получения награды. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву.

Перед следующей фразой Бизон на долю секунды замолчал, чтобы поднять глаза и встретиться взглядом с лунтао. Именно из-за этой клятвы сегодня пришлось повторять все остальные.

— Я не должен забирать себе жен и наложниц моих братьев по клятве, а также совершать с ними прелюбодеяния. Если я поведу себя так, меня убьют мириады мечей, - максимально уверенно сказал Бизон, затем на долю секунды взглянул на Чжэнь. Им с мэймэй текст клятв никто не менял, так что пусть клянутся не соблазнять чужих наложниц. — Я никогда не раскрою чужакам секреты и знаки семьи Хун. Если я нарушу это, меня убьют мириады мечей.

Перед тридцать шестой клятвой Бизон расправил плечи и даже чуть заметно улыбнулся, потому что страх облажаться при принесении клятв наконец-то сменился ощущением торжественности всего происходящего.

— После прохождения врат Хун я должен быть предан и честен и должен действовать для свержения Цин и восстановления династии Мин, объединив усилия с братьями по клятве, даже если принадлежим мы к разным профессиям. Наша общая цель — месть за наших Пятерых Предков.

Бизон воткнул благовоние в землю зажженным концом, чтобы потушить тлевший огонек, после этого посмотрел на Гунмао, который должен был командовать дальше.

Чжэнь Лау

Чжэнь взглянула на Сантану, насколько ту можно было рассмотреть из-за Бизона, и улыбнулась. Они были единственными женщинами, приносившими клятвы верности триаде Тигра, и четыреста тридцать вторая была рада, что они могли читать клятвы одновременно. А уж под громогласный бас Бизона можно было бормотать под нос хоть матерные стихотворения, никто бы не расслышал ошибок. Но лучше было не рисковать.

— После прохождения через Красные врата я должна относиться к родителям и родственникам моих братьев по клятве как к своему роду. Я умру мучительной смертью от пяти молний, если нарушу эту клятву, - начала говорить Чжэнь, глядя то на землю, то на тлеющий огонек ароматической палочки. — Я буду помогать моим

братьям по клятве хоронить их родителей и братьев, предлагая материальную и физическую помощь. Я буду убита пятью молниями, если сделаю вид, что не знаю об их бедах. Когда братья Хун навестят мой дом, я дам им кров и приют. Я буду убита мириадами ножей, если отнесусь к ним как к чужакам. Я всегда узнаю братьев Хун, когда они идентифицируют себя. Если я их проигнорирую, я буду убита мириадами мечей. Я не должна раскрывать секреты семьи Хун, даже своим родителям, братьям и жене.

На этот раз удалось скрыть ухмылку. Текст клятв писался для мужчин, и для двух женщин его никто не стал менять. Вот и приходилось клясться в том, что не будешь говорить жене о секретах семьи и что обещаешь не совращать наложниц братьев.

— Я никогда не раскрою секреты за деньги. Меня убьют мириады мечей, если я так поступлю, - продолжила Чжэнь. — Я никогда не предам братьев по клятве. Если, по недопониманию, я стану причиной ареста одного из моих братьев, я должна немедленно его освободить. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я предложу финансовую помощь братьям по клятве, находящимся в беде, чтобы они могли выплатить залог и т.п. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я никогда не причиню вред моим братьям по клятве и Старшему Брату. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей.

В Гонконге Чжэнь не приносила подобных клятв, но в Пекине и так не стала бы действовать не по понятиям не из-за страха перед мириадами мечей и пятью молниями. Просто там она оказалась, когда было некуда идти, а здесь чувствовала себя на своем месте. И мысль о том, что она снова может оказаться вне семьи, была страшнее мысли о смерти.

— Я никогда не буду вести себя недостойно в отношении жен, сестер и дочерей моих братьев по клятве. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву. Я никогда не отниму деньги и собственность моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я буду заботиться о жене и детях братьев по клятве, которые были вверены мне для заботы. Если я так не сделаю, меня убьет пять молний. Если я сообщила о себе ложную информацию, чтобы стать членом семьи Хун, меня убьет пять молний. Если я изменю свое мнение и отрекусь от членства в семье Хун, меня убьют мириады мечей. Если я ограблю брата по клятве или помогу другому это совершить, меня убьет пять молний. Если я воспользуюсь преимуществом в отношении моего брата по клятве, чтобы вести с ним бизнес нечестным образом, меня убьют мириады мечей. Если я осознанно переведу деньги или имущество моего брата по клятве в свое личное пользование, я буду убита пятью молниями. Если я по ошибке во время ограбления завладела деньгами или имуществом брата по клятве, я обязана их вернуть. Если я так не сделаю, меня убьют пять молний.

Чжэнь не сбивалась, хоть и старалась говорить хором с Бизоном, чтобы не забыть текст. Она и без выученных клятв понимала, что в представлении семьи хорошо, а что — плохо, но было сложно выучить страницу нерифмованного текста, написанного мелким шрифтом.

— Если я буду арестована во время совершения преступления, я должна принять наказание, не подвергая обвинению братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву,

меня убьет пять молний. Если кто-то из моих братьев по клятве будет убит, арестован или выслан в другое место, я буду помогать его жене и детям, которые могут находиться в нужде. Если я сделаю вид, что мне неизвестно об их трудностях, меня убьет пять молний, - пообещала Чжэнь, продолжая гипнотизировать взглядом огонек благовония. – Если другие пристают или обвиняют моих братьев по клятве, я должна вступить за них и оказать помощь, если он прав, или посоветовать ему сдаться, если он неправ. Если другие неоднократно на него нападают, я должна сообщить об этом остальным братьям, чтобы оказать ему физическую или финансовую помощь. Если я не сдержу эту клятву, меня убьет пять молний. Если мне станет известно, что правительство ищет кого-то из моих братьев по клятве, который приехал из другой провинции или из-за границы, я должна немедленно ему сообщить, чтобы он мог сбежать. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я не должна сговариваться с чужаками, чтобы обмануть моих братьев во время азартной игры. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я не должна вызывать разлад среди моих братьев по клятве, распространяя ложные сообщения о ком-либо из них. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей.

– Я не должна назначать себя старшим братом, - Чжэнь чуть запнулась, сдерживая смех, но поймала взгляд лунтао, чтобы показать, что её слова искренни. – Через три года после прохождения через врата Хун лояльные и преданные могут быть повышены в звании с поддержкой братьев по клятве. Меня убьют пять молний, если я самолично присвою себе титул. Если мои родные братья вовлечены в спор или тяжбу с моими братьями по клятве, я не должна принимать чью-либо сторону, но должна способствовать мирному обоюдному решению проблемы. Если я нарушу эту клятву, меня убьют пять молний. После прохождения через врата Хун я должна забыть обо всех обидах и претензиях в отношении братьев по клятве. Если я так не поступлю, меня убьют пять молний. Я не должна переходить дорогу моим братьям по клятве, покушаясь на их территорию. Меня убьют пять молний, если я сделаю вид, что не знаю об их интересах. Я не должна жаждать или искать имущество моих братьев по клятве. Если у меня возникнут такие мысли, меня убьют. Я не должна сообщать, где мои братья по клятве хранят свое богатство, также я не должна использовать эти знания неправильно. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должна поддерживать чужаков в том, что противоречит интересам моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должна использовать братьев Хун как средство устрашения или физического давления в необоснованных случаях. Я должна быть умеренной и честной. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Меня убьет пять молний, если я поведу себя грубо в отношении маленьких детей моих братьев по клятве. Если кто-то из моих братьев по клятве совершил серьезное преступление, я не должна сообщать об этом правительству для получения награды. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву.

Перед следующей фразой нужно было набрать много воздуха, сосредоточиться и подумать о чем-нибудь очень грустном: голодающих детях в Африке или несчастном Бизоне, который, держа лицо, сейчас твердил клятвы вместо того, чтобы их слушать. Чжэнь почувствовала взгляд бугая, но оборачиваться не стала

– Я не должна забирать себе жен и наложниц моих братьев по клятве, а также совершать с ними прелюбодеяния, – на одном дыхании выпалила четыреста тридцать вторая, про себя твердя мантрой «не ржать». – Если я поведу себя так,

меня убьют мириады мечей. Я никогда не раскрою чужакам секреты и знаки семьи Хун. Если я нарушу это, меня убьют мириады мечей.

Но после этого серьезный настрой Бизона передался и ей, и тридцать шестая клятва прозвучала, как и положено, гордо и торжественно.

— После прохождения врат Хун я должна быть предана и честна и должна действовать для свержения Цин и восстановления династии Мин, объединив усилия с братьями по клятве, даже если принадлежим мы к разным профессиям. Наша общая цель — месть за наших Пятерых Предков, - Чжэнь посмотрела на лунтао и затушила благовоние.

Сантана Ривера

Кажется, все же легкое волнение не давало ей покоя. Особенно в тот момент, когда лунтао принес жертву в виде черного петуха. Чжоу ей успел все уши прожужжать о важности этого ритуала, а также о том, как он должен проходить, что нужно будет делать, чтобы не облажаться и просто показать себя с лучшей стороны. Она как-то все больше отмахивалась, слушая только приличия ради. Ну не отделаться от его причитаний, если не выслушаешь (или не сделаешь вид, что выслушала). И вот как-то не думала она, что реально будет жертвоприношение, даже несмотря на всю специфику их деятельности. В общем, все происходящее казалось нереальным, словно она попала в далекое прошлое и ее сейчас принимают в племя каких-нибудь Тумба-Юмб. И, кажется, ее сознание уже включило защитный механизм, чтобы избавиться от этого волнения/трепета/страха. Просто забавный спектакль. Ага.

Бразильянка приняла чашу с вином и тоже сделала глоток. Порой лучше не думать о том, что в вине может быть еще чья-то кровь. Впрочем, будучи пантерой, она, в свое время, загрызла насмерть нескольких людей, которые пытались ее убить, так что чисто с морально-этической точки зрения, ей было плевать на курицу. Простите, петуха. Отдав чашу и приняв благовония, девушка даже не пыталась воспользоваться шпаргалкой. Во-первых, слишком палевно, а во-вторых, она все же учила. На самом деле учила. Поэтому оставалось надеяться на то, что если где и лоханется, то это останется где-то за пределами восприятия братьев. Ну, у Бизона же громкий голос.

— После прохождения через Красные врата я должна относиться к родителям и родственникам моих братьев по клятве как к своему роду. Я умру мучительной смертью от пяти молний, если нарушу эту клятву. Я буду помогать моим братьям по клятве хоронить их родителей и братьев, предлагая материальную и физическую помощь. Я буду убита пятью молниями, если сделаю вид, что не знаю об их бедах. Когда братья Хун навестят мой дом, я дам им кров и приют. Я буду убита мириадами ножей, если отнесусь к ним как к чужакам. Я всегда узнаю братьев Хун, когда они идентифицируют себя. Если я их проигнорирую, я буду убита мириадами мечей. Я не должна раскрывать секреты семьи Хун, даже своим родителям, братьям и жене. Я никогда не раскрою секреты за деньги. Меня убьют мириады мечей, если я так поступлю.

При такой звучной поддержке Бизона, как оказалось, говорить было проще, потому что вряд ли кто-то слышит как она то там, то здесь по случайности вместо второго

тона сказала четвертым. Не специально, просто потому что так вышло. И вообще, главное – это уверенность. Говори уверенно, уверенно смотри вперед (в ее случае, наверное, чуть нагло получается, но тут уж как получается, ведь надо еще воспроизводить то, что она выучила. Поэтому какое лицо получается, такое уж получается.

К слову, первые клятвы давались все же сложнее. Потому что ты начинаешь осознавать в полной мере, что жизнь не бесконечна, но если для тебя ее конец означает покой, то на этом свете остаются люди, которым будет тяжело именно потому что они потеряли тебя. Останутся родные и близкие, друзья и знакомые. Но тяжелее всего придется именно самым близким. Кристиан. Чжоу. Даже Маркусу и Бритт будет не так тяжело, если ее не станет, потому что она уже не первый год живет вдали от них. Им будет проще привыкнуть. Но не Крису, у которого вообще никого не останется. И именно эта мысль едва ли не сбила ее с чтения клятв, когда пришлось сделать глубокий вдох, чтобы отогнать нехорошие мысли и справиться с комом в горле.

- Я никогда не предам братьев по клятве. Если, по недопониманию, я стану причиной ареста одного из моих братьев, я должна немедленно его освободить. – Вот это проще. Через это почти проходили. Они с Цири уже вытаскивали Гунмао и Чжоу из тюрьмы, хоть и не были в этом виноваты. Просто потому что без них они бы не смогли. - Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я предложу финансовую помощь братьям по клятве, находящимся в беде, чтобы они могли выплатить залог и т.п. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я никогда не причиню вред моим братьям по клятве и Старшему Брату. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я никогда не буду вести себя недостойно в отношении жен, сестер и дочерей моих братьев по клятве. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву. Я никогда не отниму деньги и собственность моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я буду заботиться о жене и детях братьев по клятве, которые были вверены мне для заботы. Если я так не сделаю, меня убьет пять молний. Если я сообщила о себе ложную информацию, чтобы стать членом семьи Хун, меня убьет пять молний. Если я изменю свое мнение и отрекусь от членства в семье Хун, меня убьют мириады мечей. Если я ограблю брата по клятве или помогу другому это совершить, меня убьет пять молний. Если я воспользуюсь преимуществом в отношении моего брата по клятве, чтобы вести с ним бизнес нечестным образом, меня убьют мириады мечей. Если я осознанно переведу деньги или имущество моего брата по клятве в свое личное пользование, я буду убита пятью молниями. Если я по ошибке во время ограбления завладела деньгами или имуществом брата по клятве, я обязана их вернуть. Если я так не сделаю, меня убьют пять молний.

Финансовые вопросы Сантану совершенно не трогали в принципе. Она сама зарабатывает достаточно, настолько, что может позволить себе покупать все абсолютно все, чего душа пожелает, да еще и останется. Работа на Тигра приносит очень приличные деньги, но помимо этих денег, все еще есть их семейный бизнес в Бразилии, который никто и не думает забрасывать. В общем, потомкам еще хватит.

- Если я буду арестована во время совершения преступления, я должна принять наказание, не подвергая обвинению братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Если кто-то из моих братьев по клятве будет убит,

арестован или выслан в другое место, я буду помогать его жене и детям, которые могут находиться в нужде. Если я сделаю вид, что мне неизвестно об их трудностях, меня убьет пять молний. Если другие пристают или обвиняют моих братьев по клятве, я должна вступить за них и оказать помощь, если он прав, или посоветовать ему сдаться, если он неправ. Если другие неоднократно на него нападают, я должна сообщить об этом остальным братьям, чтобы оказать ему физическую или финансовую помощь. Если я не сдержу эту клятву, меня убьет пять молний. Если мне станет известно, что правительство ищет кого-то из моих братьев по клятве, который приехал из другой провинции или из-за границы, я должна немедленно ему сообщить, чтобы он мог сбежать. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. – О да, помогите бедной девушке вернуться домой. В Бразилию.

- Я не должна сговариваться с чужаками, чтобы обмануть моих братьев во время азартной игры. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я не должна вызывать разлад среди моих братьев по клятве, распространяя ложные сообщения о ком-либо из них. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я не должна назначать себя старшим братом. Через три года после прохождения через врата Хун лояльные и преданные могут быть повышены в звании с поддержкой братьев по клятве. Меня убьют пять молний, если я самолично присвою себе титул. – А вот эта клятва заставила ее внутренне усмехнуться. Ну кто еще может похвастаться тем, что сумел заслужить сорок девятый номер через сутки принятия в триаду, а присвоением трехзначного номера через месяц? И, наверное, в том, как она произносила именно эту клятву, было слишком много гордости.

- Если мои родные братья вовлечены в спор или тяжбу с моими братьями по клятве, я не должна принимать чью-либо сторону, но должна способствовать мирному обоюдовыгодному решению проблемы. Если я нарушу эту клятву, меня убьют пять молний. После прохождения через врата Хун я должна забыть обо всех обидах и претензиях в отношении братьев по клятве. Если я так не поступлю, меня убьют пять молний. Я не должна переходить дорогу моим братьям по клятве, покушаясь на их территорию. Меня убьют пять молний, если я сделаю вид, что не знаю об их интересах. Я не должна жаждать или искать имущество моих братьев по клятве. Если у меня возникнут такие мысли, меня убьют. Я не должна сообщать, где мои братья по клятве хранят свое богатство, также я не должна использовать эти знания неправильно. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должна поддерживать чужаков в том, что противоречит интересам моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должна использовать братьев Хун как средство устрашения или физического давления в необоснованных случаях. Я должна быть умеренной и честной. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Меня убьет пять молний, если я поведу себя грубо в отношении маленьких детей моих братьев по клятве. Если кто-то из моих братьев по клятве совершил серьезное преступление, я не должна сообщать об этом правительству для получения награды. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву.

Почти конец. Еще чуть-чуть, и она справилась. Впрочем, оставались как раз самое интересное. Например, одна из любимых.

- Я не должна забирать себе жен и наложниц моих братьев по клятве, а также совершать с ними прелюбодеяния. Если я поведу себя так, меня убьют мириады мечей. – Ну разве не прелесть? Нет, можно сказать, конечно, жаль, что нельзя

теперь соблазнять жен (а такие тут есть?) и подруг братьев. Не факт, что она бы когда-либо захотела (не, ну вдруг петух в задницу клюнет и ее переклинит), но теперь и возможности не будет.

- Я никогда не раскрою чужакам секреты и знаки семьи Хун. Если я нарушу это, меня убьют мириады мечей. После прохождения врат Хун я должна быть предана и честна и должна действовать для свержения Цин и восстановления династии Мин, объединив усилия с братьями по клятве, даже если принадлежим мы к разным профессиям. Наша общая цель – месть за наших Пятерых Предков.

После последней клятвы Сантана с некоторым облегчением выдохнула, потому что самое сложное для нее закончилось. Правда, едва не забыла затушить благовония, но вовремя опомнилась.

Мао Чун

В начале церемонии Гунмао был частью декораций: молчал и хмурил брови. Он вместе с остальными наблюдал за тем, как лунтао приносил жертву богу войны Гуань-ди и звериным чутьем резко почувствовал запах свежей крови. Кот достаточно хорошо контролировал свой звериный облик, а вот на Тая и Сантану он посмотрел очень внимательно. Там и хищники были более серьезными, и способность к превращениям была изучена не очень хорошо. Старший из близнецов стоял достаточно далеко, и за него Гунмао был спокоен, а вот Сантана находилась в первом ряду, да еще и должна была выпить вино с кровью. Но все обошлось.

Бизон и дамы начали твердить выученный текст клятв, остальные молчали и слушали, и церемония посвящения все больше напоминала зловещий ритуал, коим и являлась. Даже если не воспринимать всерьез жертвоприношения, факелы и прочие элементы шоу, вступление в братство сейчас, как и в былые времена, означало только одно: ты вляпываешься по самые уши в такие дела, о которых под страхом смерти нельзя говорить вслух, и с этого момента ты должен молить Небеса, чтобы удача была достаточно благосклонна к тебе, позволив прожить подольше.

Триада была семьей. Чем дольше ты в ней, тем больше взаимных обязательств связывает тебя и твоих братьев. Когда не только клятвы, но и несколько раз спасенная жизнь делает тебя должником перед братьями, не страх мириад мечей, а чудом выжившая порядочность не дает тебе предать. И уже не можешь воспринимать себя отдельно от семьи. Так Гунмао считал, что его сыновья должны оказаться в триаде и идти его путем, потому что именно такую жизнь он считал правильной, понятной и даже достойной. Да, он считал, что они должны быть осторожнее. Да, надеялся, что они сразу научатся не попадаться, чтобы обошлось без каникул в Пекинском Централье, но в общем и целом он уже ждал того дня, когда Тай и Тео будут приносить тридцать шесть клятв.

Тем временем троика торжественно закончила свою речь. Гунмао уже подозревал, что к концу церемонии он будет сходить с ума от текста клятв, столько раз их придется услышать. Он взял цзянь, лежавший под танкой Гунь-ди, затем обратился к Бизону и дамам.

- Поднимайтесь и по одному следуйте за мной, - произнес Кот.

Не оборачиваясь, он пошел к беседке, стоявшей на озере чуть в стороне от места принесения клятв. Первым следом за ним должен был пойти Бизон, затем – Чжэнь и Сантана. Каждому из них Гунмао велел встать на колени и задавал вопрос: «Что крепче – меч или твоя шея?». После ответа, который как минимум трехзначные номера должны были знать, он касался шеи отвечавшего мечом плашмя.

- Отныне вы связаны узами братства, которые может разорвать лишь смерть, - объявил фу шан шу всем троим. – Знаком, по которому вы всегда узнаете брата или сестру, будет наколка с символом семьи. Бизон, бери второй меч, пора работать. Чжэнь и мэймэй, оставайтесь пока здесь, - добавил Гунмао.

Чжоу Мин

Чжоу наблюдал за жертвоприношением, не отводя глаз от лунтао. Он находился в таком же неподвижном молчании, пока Бизон, Чжэнь и Сантана первыми приносили клятвы, потому что переживал, насколько хорошо мэймэй выучила текст. Но она справилась, и пока все шло идеально. Чжоу несколько раз рассказывал Сантане о том, что нужно будет ответить на вопрос фу шан шу, но окончание посвящения не мог толком увидеть и услышать, потому что Гунмао увел троицу в беседку. А в это время место в первом ряду нужно было занимать уже четыреста двадцать шестым.

Так как, считая Чжоу, их было семеро, не было ни волнения насчет текста клятв, ни ощущения, что все слушают только тебя и смотрят только на тебя. Просто боевые командиры должны были быть примером для своих людей, то есть держаться уверенно, говорить четко и ритуалы соблюдать безукоризненно.

Чжоу показалось, что запах и привкус крови в вине были очень заметными, хоть он и видел, что в напиток попало лишь несколько капель. Его этот привкус не смутил, просто немного удивил. Как будто в глубине души был какой-то зверь, рвавшийся на волю от запаха этой крови. Буквально мгновение, во время которого сознание спуталось, будто Чжоу был пьян, взгляд каких-то рыжеватых глаз, рык, похожий на скрежет стали, а затем снова факелы и поляна. Четыреста двадцать шестой зажмурился на пару секунд, приходя в себя. Он надеялся, что никто не заметил его состояния, а то еще подумают, что руководитель инфорсеров может быть настолько впечатлительным, что выпадает в дзен от мысли о том, что пьет свежую птичью кровь, щедро разбавленную вином.

Все молчали, дожидаясь, когда лунтао даст им слово. Молодежь принесла благовония, и резковатый теплый запах сандала быстро разогнал остатки наваждения, возвращая мысли Чжоу к церемонии.

Син Чжу

Син наблюдал за происходящим с каменным лицом, и лишь то, как нервно он кусал губу, выдавало его истинное настроение. С одной стороны, он был готов язвить на тему средневековых обычаев, с другой, было дико обидно чувствовать себя чужим на этом празднике жизни. Он даже не прислуживал отцу, он просто стоял в стороне, дожидаясь, когда нужно будет нести подносы с выпивкой. Глаза немного щипало, а горле стоял горький ком. Явно факелы чадили так сильно, что невозможно было находиться с ними рядом.

Среди тех, кто сегодня официально становился сорок девятым, было немало парней младше Сина. Но они чем-то уже заслужили странную честь твердить эти клятвы и делать наколки с символом пекинской триады. Син слушал смутно знакомый текст, хотя со своего места мог более-менее внятно расслышать только бас Бизона.

Ощущение было сюрреалистичным, как будто кольцо из факелов было границей параллельного мира. Здесь – реальное время и реальный парк у «Речных заводов», а там – что-то из смутных времен, когда закончился Золотой Век династии Мин и воцарились маньчжуры из династии Цин. Только многие из этих полуобнаженных людей, находившихся в свете огней, были знакомы Сину с детства по реальному миру, тому, где он родился и вырос.

Глупости. Син понимал, что просто ищет какие-то мысли, за которые можно зацепиться, чтобы не было так тошно. Отец поступил так, как считал нужным, и больше всего наследника триады злило то, что он понимал головой, как лунтао снова добился своего. Син действительно хотел доказать, что он не хуже. Он теперь был готов разбиться в лепешку, лишь бы получить этот чертов сорок девятый номер. Просто чтобы доказать, что он не хуже тех, кто приносит клятвы сегодня.

Цхао Ван

Как бы хорошо ни выучил Цхао клятвы, как бы близко не воспринимал необходимость их соблюдения, не задержать взгляд на Сантане он не мог. В конце концов, клятвы не запрещали смотреть на женщин братьев, особенно когда те стремились к минимализму в одежде.

За самим ритуалом сорок девятый наблюдал не очень внимательно, да ему и не так многое было видно с того места, где он сидел, дожидаясь своей очереди. Было слышно, как произносит текст клятв Бизон, и как намного тише этот текст твердят Чжэнь и мэймэй. Потом они ушли за Гунмао, и вместо них места в первом ряду заняли четвереста двадцать шестые, в том числе Чжоу. Рядовые бойцы в этот момент не только замолчали, но и замерли: каждый из них понимал, что если кто-то из их командиров собьется во время клятвы из-за того, что сорок девятые перешептываются между собой, виновным мало не покажется. Да и любопытно было, как во время церемонии будут держаться старшие братья.

Цхао воспринимал Чжоу как старшего брата, но такого, с которым не очень большая разница в возрасте. Да, он умнее и опытнее, но с ним нет проблем общаться на «ты», говорить на личные темы, а иногда и нарушать дисциплину. Другие четвереста двадцать шестые казались намного старше и серьезнее. Например, матерый бритоголовый глава тяньцзиньской братвы или Гуань, в чье распоряжение поступали провинившиеся бойцы на время дежурств в борделях. Почти все трехзначные номера сидели и прошли такие университеты, которые многим сорок девятым и не снились. В общем, если их воспринимали и не как лунтао с фу шан шу, все же чувствовалось достаточно уважения и почтения. Да и прилетало сорок девятым от них не в пример чаще, чем от более серьезных авторитетов.

Тай Чун

Некая театральность действия, тем не менее, не скрывала ответственности и

таинства церемонии, так что Тай чувствовал некую торжественность, вполне приличествующую случаю. Он хищно втянул носом воздух, ясно учуяв в воздухе запах животной крови, на мгновение в нем проснулось звериное начало, урча и ворочаясь где-то внутри, но животная кровь - не человеческая, которая могла бы существенно выбить его из колеи, да и Тай был способен охотиться самостоятельно, чтобы не так остро реагировать на петушиную кровь и то, что ее зарезал кто-другой. Принимать подачки с рук - это так унижительно. Пусть он и охотится только в монастыре, превращаться на глазах у целой толпы народа он как-то не планировал. А вскоре запах крови заглушил запах зажженных благовоний, и вот тут Тай почувствовал, как привычно на этот запах начинает реагировать голова - то есть подкрадывающейся откуда-то из-за затылка тупой болью.

Тем временем первая тройка закончила читать текст клятв - его Тай знал и сам, попросив у отца отдельный экземпляр, чтобы просто хотя бы прочитать. Конечно, он не удержался от того, чтобы выучить его наизусть, но ему хватило сдержанности не шептать его, повторяя следом за Бизоном. Вряд ли в трубном гласе бугая его шепот можно бы было расслышать, но как минимум на него могут начать коситься, как на бревно, научившееся разговаривать человеческим языком. Тай вспомнил наставления отца - что им нужно будет поднести пиалы всем, кто принесет клятвы, но их не позвали, поэтому Тай остался на своем месте.

Он переступил с ноги на ногу, наблюдая за тем, как отец уходит вместе с сифу, Бизоном и Чжэнью в беседку и буквально проклинал все на свете оттого, что ему приходится наблюдать за всем этим издалека. Он бы с удовольствием постоял рядом, наблюдая за лицами тех, кто приносит клятву, и сейчас дико желал оказаться на чьем-нибудь месте - ощутить, как твоей шеи касается остро отточенное стальное лезвие. Стать, наконец, частью чего-то большего, чего-то единого, заслужить эту честь не потому, что ты - сын фу шан шу, и тебе вроде как одна дорога, а потому, что ты это заслужил сам, без чьей либо помощи.

Он уже знал, как ответил бы сам. Там просто не было других слов. Не потому, что так нужно, а потому, что лучше умереть за того, кто тебе верит, чем предать его доверие.

Тео Чун

У Тео на лице было написано одно единственное слово "Вау!". Если бы ему на лоб нацепили бумажку со словом "Круто", то это было бы не так заметно, как нетерпение и воодушевление, что он испытывал. Ему едва хватало сил не подпрыгивать и не приплясывать на своем месте, чтобы как следует рассмотреть все, что делал лунтао и все остальные в круге. Свет факелов окрашивал смуглые спины в багровый цвет, а драконы на спинах папы и лунтао казались живыми. Тео силился рассмотреть было татуировки на спине Бизона, но там было столько всего, что младший так практически ничего и не разобрал.

Зато он чуть не заскулил вслух, когда папа взял цзянь и ушел в беседку - Тео чуть шею не сломал, вытянув голову так далеко, как только мог. Вот с этого места все было уже намного интереснее, потому что петух и кровь - это, все-таки, фигня по сравнению с тем, что в руках папы был настоящий меч. Тео даже задней мыслью понадеялся, что сейчас кому-нибудь отсекут голову, но вовремя сообразил, что

скорее всего до этого не дойдет. И, конечно, это его слегка расстроило. Ему было даже обидно, что ему приходится стоять так далеко, где практически ничего не видно. Ну, видно, конечно, но плоховато, особенно ту заключительную часть с мечом. Причем Тео завидовал не сколько той чести, которой удостоивались приносившие клятвы, сколько тому, что ему дико как хотелось подержать в руках цзянь, ведь ему, словно маленькому, оружие в руки до сих пор не давали. Ему было четырнадцать, а все вокруг до сих пор считали его недостойным или не очень умным для того, чтобы не отрезать себе руку или кого-нибудь не проткнуть. Это при том, что самый максимальный вред, который он нанес окружающим - это уронил папе пистолет на больную ногу, да сжег занавески на кухне, когда пытался тренировать магию огня. Где справедливость, спрашивается?

Было довольно странно наблюдать за всеми этими действиями, зная, что когда-нибудь тебе придется повторить этот же путь. При всей своей показушной глупости, Тео знал, что он не станет хорошим полицейским, он просто не сможет, зная, что где-то напротив него будет Тай. Конечно, легче было строить иллюзии, что в мире всегда небо будет голубым, а трава зеленой, и что всегда можно спрятаться за спиной близнеца, если что, но на самом деле все будет совсем не так. Даже если Тео не в восторге от того, чем занимается отец и чем будет когда-нибудь заниматься Тай, он всегда должен быть рядом с братом. Это так же неизбежно, как то, что когда-нибудь он повзрослеет настолько, что притворяться наивным и дальше будет попросту глупо. Тео покосился на близнеца, ему вдруг очень сильно захотелось сжать его плечо, боднуть его лбом в висок, словно маленькому щенку, и замереть от преданности, глядя ему в глаза, как смотрят собаки, готовые жизнь отдать за своего хозяина. Но Тео не стал этого делать, только сцепил зубы и вперил взгляд вперед.

Лао Чжу

Бизон сохранил лицо, правильно произнес все клятвы, Чжэнь с Сантаной очень убедительно пообещали не приставать к женам братьев, и можно было считать, что первая тройка с основной частью ритуала справилась успешно. Лунтао лишь кивнул, дослушав произнесенные клятвы. Он задержал взгляд на Чжэни, гнев в адрес которой уже успел утихнуть. Она приносила ему тридцать шесть клятв, говоря с лунтао, а не с предметом зазнобы. Роль преданной четыреста тридцать второй была ей ближе и понятнее, чем роль женщины, принадлежащей кому-то одному. Тигра не смущало её прошлое. Он знал, что такие женщины не уходят и не изменяют. Он знал, что Чжэнь – единственная женщина, которой он может по-настоящему доверять, и лишь потому, что лично в этом убедился. И он не видел никаких противоречий в тех отношениях, которые складывались между ними.

Краем глаза Тигр видел находившихся за пределами круга Сина и сыновей Кота, которые будут приносить те же клятвы в другой раз. Сегодня они должны были просто понять атмосферу, почуять дух семьи, к которой принадлежат по происхождению, но место в которой им нужно заслужить. Лично лунтао не видел причин им не доверять, чтобы дожидаться тех, кто будет готов за них поручиться после первых заданий. Просто Син когда-нибудь возглавит триаду, близнецы с большой вероятностью будут идти к должности фу шан шу. Особенно большие надежды лунтао были связаны с Таем, в котором чувствовался характер бойца и полководца.

За первой тройкой подошли четыреста двадцать шестые. Командиры, от которых зависела объективная сила триады. Лунтао понимал их лучше, чем кого бы то ни было. Тонкости с финансами и дипломатией он понимал, потому что пришлось в них разобраться, но по-прежнему считал, что нет аргумента весомее огнестрельного оружия. Когда четыреста двадцать шестые отпили вино и приготовились читать клятвы, лунтао объявил, что готов их слушать.

Сяодунь Хань

Уверенно заявив, что шея по-любому крепче меча, Бизон закончил ритуал посвящения себя любимого в семью, в которой уже и так имел почетную должность Хранителя Благовоний. А дальше было уже интереснее: ему предстояло на пару с Гунмао проверять прочность шей четыреста двадцать шестых, которые уже сидели напротив лунтао с серьезным и несколько обреченным видом, с каким женихи обычно бьют поклоны на свадьбах.

Окончательно войдя в роль очень большого и сурового брата, Бизон взял цзянь и встал неподалеку от Кота, готовясь встречать командиров отрядов. В этой семерке он не сомневался, а вот прочность психики ребят помладше еще предстояло проверить. В полумраке, нарушавшемся только отблесками горящих в стороне факелов и светильников, туша Бизона с разрисованной под хохлому спиной и метровым мечом, украшенным длинной алой кистью, могла впечатлить многих. Тут проигрывал даже subtilный по сравнению с хранителем благовоний товарищ фу шан шу.

- Вот лунтао заманется сегодня слушать одно и то же, - негромко сказал Бизон, обращаясь к Коту. — Кто оговорится — головы рубим? — уточнил он у Кота с не очень дружелюбной ухмылкой. — Мэймэй, Чжоу хорошо выучил клятвы?

Бугай понимал всю важность церемонии и серьезность момента, но он не мог просто молчать с суровым видом, пока приходилось просто ждать следующую партию принесших клятвы.

Чжэнь Лау

Когда самое сложное закончилось, Чжэнь немного растерялась, не зная, куда себя деть. Они с Сантаной должны были оставаться в беседке хотя бы до момента, когда все трехзначные номера закончат приносить клятвы, чтобы посвящением сорок девятых занимались уже в основном четыреста двадцать шестые. Немногочисленные женщины в семье были избавлены от необходимости, имея трехзначные номера, размахивать цзянями: Чжэнь из-за абсурдности самой сцены, в которой она держала бы оружие, Сантана за компанию.

- Смотрю, диди, ты осмелел, - мурлынула четыреста тридцать вторая, проходя за спину Бизона, чтобы усестись на подоконник беседки. — Ты был так уверен, что тай ло не дал Кысе приказ отсечь голову тебе?

Лунтао был слишком занят и находился далеко, поэтому сейчас можно было не переживать, что он услышит этот разговор. А Чжэнь считала, что нарваться на Тигра и не прицепиться за это к якобы виновнику было идейно неверно. Присутствие

Гунмао и Сантаны при этом её ничуть не смущало, ведь они, в отличие от Бизона, умели держать язык за зубами.

Чжэнь взглянула на освещенную факелами поляну на берегу пруда. Около двух сотен бойцов, которые безропотно приносили Тигру клятвы. Живое воплощение власти лунтао в городе. Лунтао, который проводил церемонию гордо и невозмутимо, лишь отблески пламени отражались в его темных, почти черных глазах. Пожалуй, он еще никогда не казался Чжэни столь привлекательным. И все равно это не было поводом не цепляться к Бизону.

Сантана Ривера

Крепче ли шея этого меча? Кажется, более глупого вопроса задать они не могли, но, естественно, бразильянка, подтвердила, что крепче. Просто потому что так оно и есть, как бы законы физики ни хотели рассказать убедить всех в обратном. Есть такие вещи, которые не выудить даже под страхом смерти. Смерть страшна не потому что ты умираешь и тебя больше не будет, а потому что тут останутся те, кому без тебя будет плохо.

Сантана отошла в сторону следом за Чжэнь. Наверное, это все же большая честь для нее быть среди первых, кто произнес клятвы. Она бы могла даже, наверное, гордиться тем, что произнесла клятву раньше Чжоу, наравне с Бизоном и Чжэнь, но это не то, чем стоит кичиться. Просто это ее жизнь, теперь оставалось дожидаться, пока свои клятвы повторит Мин. Вроде бы как ее будущий муж, но, хвала небесам, пока что тема дальнейшего предложения все же не развивалась.

- Он уже произносил клятвы, - не без гордости заявила она, - Не замечала у него проблем с памятью.

Устроившись рядом с четыреста тридцать второй, Сантана лишь ухмыльнулась, слушая разговор Чжэни с Бизоном. Забавно наблюдать такую, по-настоящему семейную, перепалку между братом и сестрой. И что-то ей подсказывало, что диди из уст четыреста тридцать второй в отношении Бизона – очень изящная издевка, чтобы задеть гордость и самолюбие бугая. Забавно.

Мао Чун

Пока четыреста двадцать шестые усаживались, готовясь произносить клятвы, Бизон и Чжэнь решили нарушить торжественность момента своими перебранками. Причем главная по связям явно нарывалась, развивая тему, из-за которой бугаю и так сегодня прилетело. Реплики самого Бизона Кота мало занимали, к ним стоило относиться как к физиологической особенности бизонова организма. А вот Чжэнь сегодня подозрительно сильно бесила. Явно исстрадалась от нехватки внимания, пока Тигр был занят подготовкой к мероприятию.

- Отставить балаган, - резко сказал Кот. – Чжэнь, уволь мои уши от темы твоей личной жизни, сильно искушаешь её пообсуждать, а тай ло запретил.

Гунмао сдержался, не добавив, что в случае чего, голову он бы снес не Бизону. Есть вещи, которые женщины не способны понять на каком-то глубинном уровне. Сегодняшний ритуал должен был упрочить иерархию в стае, где последний щенок

мнит себя волком, а старшие соблюдают традиции уже для того, чтобы избежать кровавых междоусобиц. Сантана в какой-то мере это чуяла, сказывалась и её почти армейская подготовка в бразильской полиции, где научили выполнять команды старших, и то, что она была боевиком, нанюхавшимся пороха. Чжэнь боевиком не была, за место в иерархии не билась, на силу не рассчитывала и ничего ей не добивалась, и потому не могла понять и половины того смысла, что был заложен в традиции принесения клятв. Ей это было бы простительно, если, произнеся заветный текст, она бы села в сторонке и не отсвечивала, но именно сейчас она решила выступить.

- Бизон, смотри по ситуации. Но именно Чжоу мне нужен живым. Ему еще на мэймэй жениться, – все же сказал Кот.

Чжоу Мин

Четыреста двадцать шестые могли чувствовать себя едва ли не эпицентром сегодняшнего действия: они и сами по всем правилам приносили клятвы, и принимали подопечных им бойцов в семью перед лицом лунтао и фу шан шу. На голых торсах боевых командиров помимо татуировок были видны следы застарелых ран, в глазах, видевших намного больше, чем довелось увидеть сорок девятым, была та внутренняя уверенность, которая появляется лишь с опытом, и которая необходима людям, ведущим других в бой. Когда лунтао сказал, что готов слушать, все семеро красных жезлов начали хором читать клятвы. Это звучало, подобно странной молитве.

– После прохождения через Красные врата я должен относиться к родителям и родственникам моих братьев по клятве как к своему роду. Я умру мучительной смертью от пяти молний, если нарушу эту клятву. Я буду помогать моим братьям по клятве хоронить их родителей и братьев, предлагая материальную и физическую помощь. Я буду убит пятью молниями, если сделаю вид, что не знаю об их бедах.

Голоса звучали стройным хором, но каждый смотрел лишь на лунтао. Бритоголовый руководитель порта, на плече которого с трудом нашлось место для эмблемы семьи, суровый начальник охраны, шрамы на лице которого сейчас выглядели особо зловеще, Жэнь из хутунов, затылком чувствовавший взгляды трущобной братии, Гуань, который в последнее время не без оснований опасался Кота, Толстый, по фигуре которого не сразу можно было догадаться, что в боях за триаду он не менее опытен, чем его братья, даже худощавый Шмыга сейчас казался важным и серьезным.

– Когда братья Хун навестят мой дом, я дам им кров и приют. Я буду убит мириадами ножей, если отнесусь к ним как к чужакам. Я всегда узнаю братьев Хун, когда они идентифицируют себя. Если я их проигнорирую, я буду убит мириадами мечей. Я не должен раскрывать секреты семьи Хун, даже своим родителям, братьям и жене. Я никогда не раскрою секреты за деньги. Меня убьют мириады мечей, если я так поступлю.

Хор голосов гипнотизировал Чжоу, который уже не задумывался над текстом, просто в унисон с остальными повторял слова, которые, казалось, знал всегда. Ему казалось, что он не приносит клятвы пекинскому лунтао и братьям, а твердит

заклинание, меняющее всю его судьбу.

– Я никогда не предаю братьев по клятве. Если, по недопониманию, я стану причиной ареста одного из моих братьев, я должен немедленно его освободить. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я предложу финансовую помощь братьям по клятве, находящимся в беде, чтобы они могли выплатить залог и т.п. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я никогда не причиню вред моим братьям по клятве и Старшему Брату. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я никогда не буду вести себя недостойно в отношении жен, сестер и дочерей моих братьев по клятве. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву. Я никогда не отниму деньги и собственность моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я буду заботиться о жене и детях братьев по клятве, которые были вверены мне для заботы. Если я так не сделаю, меня убьет пять молний.

Из всей семерки семья была только у Лысого, и то, решение начальника порта жениться на Мэй было принято в состоянии аффекта. Чжоу видел лишь то, что его старший брат об этом решении не жалел, и даже хотел приехать сегодня с сыном, но его все же отговорили. Для сохранения лица начальника порта была принята эта формулировка, а не «жена не пустила».

– Если я сообщил о себе ложную информацию, чтобы стать членом семьи Хун, меня убьет пять молний. Если я изменю свое мнение и отрекусь от членства в семье Хун, меня убьют мириады мечей. Если я ограблю брата по клятве или помогу другому это совершить, меня убьет пять молний. Если я воспользуюсь преимуществом в отношении моего брата по клятве, чтобы вести с ним бизнес нечестным образом, меня убьют мириады мечей. Если я осознанно переведу деньги или имущество моего брата по клятве в свое личное пользование, я буду убит пятью молниями. Если я по ошибке во время ограбления завладел деньгами или имуществом брата по клятве, я обязан их вернуть. Если я так не сделаю, меня убьют пять молний. Если я буду арестован во время совершения преступления, я должен принять наказание, не подвергая обвинению братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний.

Чем дольше звучали клятвы, тем сильнее было это ощущение общего транса, в который проваливалось сознание, ловившее лишь отдельные образы: свет факелов, взгляд лунтао, эхо голосов, запах сандала. От этого чувства единения всей братии Чжоу чувствовал странный восторг. Он знал, что принадлежит к пекинской семье, не раз рисковал ради этого жизнью, но впервые испытал это ощущение единства и братства, что-то первобытное, на чем строились триады древности.

– Если кто-то из моих братьев по клятве будет убит, арестован или выслан в другое место, я буду помогать его жене и детям, которые могут находиться в нужде. Если я сделаю вид, что мне неизвестно об их трудностях, меня убьет пять молний. Если другие пристают или обвиняют моих братьев по клятве, я должен вступить за них и оказать помощь, если он прав, или посоветовать ему сдаться, если он неправ. Если другие неоднократно на него нападают, я должен сообщить об этом остальным братьям, чтобы оказать ему физическую или финансовую помощь. Если я не сдержу эту клятву, меня убьет пять молний. Если мне станет известно, что правительство ищет кого-то из моих братьев по клятве, который приехал из другой провинции или

из-за границы, я должен немедленно ему сообщить, чтобы он мог сбежать. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я не должен сговариваться с чужаками, чтобы обмануть моих братьев во время азартной игры. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я не должен вызывать разлад среди моих братьев по клятве, распространяя ложные сообщения о ком-либо из них. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я не должен назначать себя старшим братом. Через три года после прохождения через врата Хун лояльные и преданные могут быть повышены в звании с поддержкой братьев по клятве. Меня убьют пять молний, если я самолично присвою себе титул.

Эта клятва была одной из самых важных для трехзначных номеров, от которых зависел остальной порядок. Именно они должны были в случае чего полностью поддержать Сина, который сейчас угрюмо стоял в кустах и пока не получил даже сорок девятый номер, именно они учили младших братьев безоговорочно выполнять приказы лунтао и фу шан шу, и именно они объясняли смысл прозвучавшей клятвы своим подопечным.

– Если мои родные братья вовлечены в спор или тяжбу с моими братьями по клятве, я не должен принимать чью-либо сторону, но должен способствовать мирному обоюдовыгодному решению проблемы. Если я нарушу эту клятву, меня убьют пять молний. После прохождения через врата Хун я должен забыть обо всех обидах и претензиях в отношении братьев по клятве. Если я так не поступлю, меня убьют пять молний. Я не должен переходить дорогу моим братьям по клятве, покушаясь на их территорию. Меня убьют пять молний, если я сделаю вид, что не знаю об их интересах. Я не должен жаждать или искать имущество моих братьев по клятве. Если у меня возникнут такие мысли, меня убьют. Я не должен сообщать, где мои братья по клятве хранят свое богатство, также я не должен использовать эти знания неправильно. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должен поддерживать чужаков в том, что противоречит интересам моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должен использовать братьев Хун как средство устрашения или физического давления в необоснованных случаях. Я должен быть умеренным и честным. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний.

Семь голосов звучали как один, и не было слышно, чтобы кто-то из сорок девятих отвлекался на разговоры, пока старшие произносили клятвы.

– Меня убьет пять молний, если я поведу себя грубо в отношении маленьких детей моих братьев по клятве. Если кто-то из моих братьев по клятве совершил серьезное преступление, я не должен сообщать об этом правительству для получения награды. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву. Я не должен забирать себе жен и наложниц моих братьев по клятве, а также совершать с ними прелюбодеяния. Если я поведу себя так, меня убьют мириады мечей. Я никогда не раскрою чужакам секреты и знаки семьи Хун. Если я нарушу это, меня убьют мириады мечей. После прохождения врат Хун я должен быть предан и честен и должен действовать для свержения Цин и восстановления династии Мин, объединив усилия с братьями по клятве, даже если принадлежим мы к разным профессиям. Наша общая цель – месть за наших Пятерых Предков.

Четыреста двадцать шесть затушили благовония, затем, дождавшись разрешения, по одному пошли в беседку к фу шан шу, чтобы сказать о том, что их шеи крепче меча.

Син Чжу

Положение Сина в семье было парадоксальным. С одной стороны, он был наследником триады как сын лунтао. С другой, его никто не воспринимал всерьез, особенно отец. И в то время как главарь триады Пекина слушал клятвы, которые приносили его люди, Син мог только нервно кусать губы и уговаривать себя, что пропасть между ним и его отцом не такая бездонная, какой кажется сейчас. Раньше и то было проще: когда тебе двенадцать, на тебя с умилением смотрят уже за то, что ты знаешь, как держать винтовку. Когда тебе двадцать, а ты все еще не умеешь драться как герои Чоу Юньфатта или хотя бы как Чжоу или Гунмао – ты безнадежен и вводишь всю семью в состоянии фрустрации из-за того, что братва уже знает, что тебя назначат главным. К слову, эти люди вряд ли знали слово «фрустрация».

Пока Син находился в Европе, ему было проще абстрагироваться от дел на родине. Он мог почти убедить себя, что отец и подчинявшиеся ему бандиты – это пережиток средневекового прошлого, кого волнует династия Мин, когда после неё власть сменилась минимум трижды. Син убеждал себя, что может заниматься легальным бизнесом, если вдруг отцовских денег не будет хватать на все, что хочется, и он был уверен, что ему не придется пачкать руки в уличных драках.

А сегодня вся эта личная мифология наследника триады рассыпалась в прах. Империя, наследником которой он должен был когда-нибудь стать, не была легальным бизнесом, она была братством, кланом, связанным кровавыми клятвами, во главе которого Чжу Лао смотрелся органичнее некуда, в то время как Чжу Син был недоразумением даже стоя в кустах по соседству.

Следующей попыткой избавиться от скребущихся на душе кошек была мысль «а я так не хочу». Но она не выдерживала никакой критики, Син чувствовал, что завидует авторитету отца. В итоге оставалось стиснуть зубы и клясться себе самому в том, что все еще впереди. Что пройдет несколько лет, и тот, кого сейчас язвительно называют сяо лунтао, будет обладать не меньшим авторитетом, чем четыреста двадцать шесть, которые сейчас заканчивали приносить клятвы.

Тай Чун

Если бы Тай был чуть более впечатлительным, он бы зарыдал от бессилия, потому что вокруг происходило такое заманчивое священнодействие, а ему можно было всего лишь наблюдать за этим, не отсвечивая и не высываясь вперед. И это было обидным не столько оттого, что нужно не отсвечивать – именно это у Тая получалось лучше всего, – а оттого, что он не принимает в этом никакого деятельного участия, а всего лишь наблюдает так, словно его это никаким боком не касается. Факт присутствия на мероприятии, который уже сам по себе был достаточно значимым, все равно не мог скрасить того чувства беспомощности, что ощущал парнишка. Тай сейчас злился на свой возраст, жалея, что ему всего лишь четырнадцать и ни годом больше, ведь будь он чуть постарше, вполне вероятно, что он стоял бы не вместе с синими фонарями – а уже вместе с теми, кто являлся полноправным членом семьи. Тай ненавидел бездействие – если у него были какие-то способности, которые могли

бы показаться полезными - он шел и развивал эти способности, он постоянно самосовершенствовался. И из-за чувства самоудовлетворения тоже, но главной причиной все таки было желание уметь защищать тех, кто близок и дорог. Сильнее него в плане магии тут была только Сантана - и все эти люди вокруг даже не подозревали о том, что стоит ему только ударить ногой по земле, и он похоронит их всех заживо - и его способности сейчас пропадали только по одной причине - он был еще слишком мал для того, чтобы применять эти способности в настоящих, реальных условиях. Одно дело кидаться камушками в мишень в монастыре, и другое - отстаивать права на город против других людей, живых, могущих быть не менее опасными.

Нереализованные возможности так и выпирали из него сплошным потоком - вероятно, подобным мыслям нехило способствовали навязчивый аромат благовоний и легкая головная боль, пульсирующая в затылке. Четырнадцать - отвратительный возраст. Ты уже вроде бы не считаешься ребенком, но еще не считаешься взрослым, повиснув в состоянии неопределенности. Тот момент, когда ты должен сам отвечать за свои поступки, но тебе все еще приходится ложиться спать в одиннадцатом часу вечера, потому что так велела мама, а с ней спорить нежелательно.

Тео Чун

Первый интерес Тео к происходящему слегка угас, когда следующие трехзначные повторяли клятвы, текст которых младший и так знал хотя бы примерно, поэтому он пропустил это все мимо ушей, принявшись рассматривать находившихся около беседки и вокруг нее людей. Авторитеты триады, полураздетые, с блестящими в свете факелов татуировками - у некоторых была не только татуировка с тигром и драконом, но и многие другие - выглядели даже как-то мистически. Наверное, так оно и было, потому что на церемонию допускались только приближенные и, как выразился папа, те, кто подавал надежды. Понимание этого заставляло Тео дуться от гордости, но все же он многое отдал, чтобы быть сейчас на месте Чжоу.

Лунтао выглядел сурово, Тео до сих пор его немного побаивался, как с ним бывало всякий раз, когда он встречал серьезного человека, умеющего заткнуть тебя не сколько словами, сколько взглядом. Тео постоянно казалось, что он приценивается к ним и присматривается к каждому их шагу, и это заставляло его непрерывно держать спину прямой, а голову гордо поднятой, ведь он - брат Тая, и не может быть хуже его. Это же заставляло Тео думать о своих словах и о том, что он говорит. Если раньше он мог ляпнуть что угодно, не задумываясь о последствиях, то теперь он учился больше молчать и слушать, чем болтать. Конечно, до брата ему все еще далеко, Тео все равно чувствовал, что к нему относятся снисходительно, как к глупому щенку, и не воспринимают его всерьез. И он все еще не знал, как это исправить.

Тео вытянул шею, чтобы со своего места заглянуть в беседку - он увидел хмурого непонятно по какой причине отца, и Лау ньюши, которая выглядела весьма ехидно. Тео до сих пор не мог воспринимать ее никак иначе, чем просто женщину, как он воспринимать мать, сифу Риверу или любых других женщин. Ему было сложно думать о них как о тех, кто относится к "братве", хотя, конечно же, он знал, что они обе - и сифу и Лау ньюши - работают на лунтао. Эти два обстоятельства у него в

голове воедино никак не складывались.

Лао Чжу

Лунтао слушал четыреста двадцать шестых в пол-уха. Он и так знал, что они помнят текст наизусть, интереснее было наблюдать за сорок девятыми, которые притихли, наблюдая за своими командирами. Несколько лет назад, в тот день, когда погибла Ю Линь, а в Ночном Пекине сменилась власть и появилась триада Тигра, сложно было даже представить, что удастся так быстро собрать новые силы. Ху отлично помнил, сколько времени, сил и крови ушло на то, чтобы создать триаду Цзин Вана, и там он все же больше слушал кузена, чем действовал сам, по крайней мере в первые годы работы. А эта семья начиналась с пары десятков человек, большинство из которых были зелеными неучами. Когда у тех, кто мог действовать, старые раны напоминали о себе достаточно внятно, чтобы не хотелось снова лезть под пули, а у тех, чьи глаза еще горели, не было ни достаточной смелости, ни достаточных навыков. В итоге вопреки всему, на одной смутной надежде и на преданности горстки людей удалось создать ту семью, которая сейчас приносила клятвы. Глядя на четыреста двадцать шестых, лунтао чувствовал, что может доверять этим людям, и он знал, что за ними идут рядовые бойцы. У каждого было по отряду, превосходившему тот, с которого начиналась триада Тигра, и это не было пределом, это было началом, когда семья становится империей.

Четыреста двадцать шестые закончили приносить клятвы и отправились подставлять шею под меч в беседке, и наступал черед сорок девярых. Вечер не был бесконечным, потому отряды инфорсеров должны были приносить клятвы одновременно. Синие фонари принесли еще кубки для вина с кровью и благовония, чтобы хватило на всю собравшуюся братву. Син, как и сыновья Гунмао, пока оставался в стороне, и лунтао лишь мельком взглянул в его сторону, зная, как сегодняшний вечер уязвит самолюбие сяо лунтао.

- Сорок девярые, займите места по отрядам, чтобы я вас лучше видел, - скомандовал Тигр. – Личная охрана, отряд Ли, логисты, отряд Чжоу, патрули, отряд Жэня, - он указывал рукой условные линии, вдоль которых должны были пересест те, кто мог оказаться не на своих местах перед началом церемонии. – Тяньцзинь, люди Фэна Кайши, отряд Толстого, люди Шмыги, - Тигр даже не стал произносить фамилии четыреста двадцать шестых, под которыми тех отродясь не называли. – Отряд Гуань, личный отряд Хранителя Благовоний.

После этого он дал знак младшим, чтобы те разнесли всем сорок девярым вино и благовония, и стал дожидаться, когда вернуться четыреста двадцать шестые. Кому как не им слушать клятвы младших братьев.

Сяодунь Хань

Инстинкт самосохранения был развит у Бизона достаточно хорошо, чтобы знать, когда нужно заткнуться на время перебранки старших. Он лишь чуть заметно кивнул Коту в знак благодарности за то, что тот за него вступился. Чжэнь сегодня, казалось, была несколько не в себе. Бизон был склонен винить в этом занятость тай ло из-за всей этой подготовки: его подруге не хватало внимания, вот она и задиралась к окружающим. Вообще, Лау ньюши в последнее время везло. Если раньше ей можно было почти все из-за её должности, сейчас ей можно было еще больше из-за

положения фаворитки лунтао. Для единственного не-инфорсера в семье она, по мнению Бизона, устроилась очень козырно.

Разборки не продолжились, потому что четыреста двадцать шестые закончили приносить клятв и пошли в беседку проверять, чья шея крепче меча. Бизон с цзянем пугал Шмыгу, Кайши и Толстого, остальные достались Коту.

- Что крепче, меч или твоя шея? – вкрадчивым басом спросил бугай у тщедушного Шмыги, подошедшего первым, и красиво так замахнулся длинным тонким мечом.

- Моя шея, - без колебаний ответил Шмыга, который все равно презанятно смотрелся в этой сцене.

- Тай ло, а где у него острая сторона? – спросил Бизон у Гунмао и с показательной неловкостью махнул цзянем над головой четыреста двадцать шестого, но затем все же коснулся шеи Шмыгии плашмя. – Верю, живи, - смилостивился бугай. – Кому там дальше рубить головы? – окликнул он Кайши.

Так, закончив с четыреста двадцать шестыми, Бизон с мечом вышел из беседки, чтобы слушать, как его личный отряд будет приносить клятвы. Он встал напротив своих людей и скорчил суровую морду, перехватив цзянь в ножнах в левой руке и всем своим недобрым видом намекая, что будет с теми из молодежи, чья дырявая память не позволит прочесть клятвы без единой запинки.

Чжэнь Лау

Чжэнь смерила Гунмао недобрым взглядом, затем самодовольно фыркнула. Она-то никак не могла понять, почему местные сказители не склоняли историю её романа с Тигром на всякий лад, на какой могло хватить их скудной и нездоровой фантазии. А тут вот оно как получилось, запретил, значит. И Кыся наверняка по этому поводу маялся невероятно, потому что у него забрали такой повод чесать язык. Чжэнь никогда не доводила Гунмао просто так, но она знала, что всякий раз, когда он огрызается и показывает характер, от него можно получить бесценную информацию, вот как сейчас. Словом, по лицу четыреста тридцать второй было видно, что она вполне довольна состоявшейся беседой.

Бизон баловался с оружием, Чжэнь с едва заметным любопытством наблюдала за четыреста двадцать шестыми. Любимчики лунтао, к которым его впору ревновать: Тигр всегда очень ценил инфорсеров и не очень доверял финансистам и женщинам. И четыреста тридцать вторая все время чувствовала, что лунтао будто все равно в любой момент ждет от неё какой-то внезапной подставы, даже если не был готов открыто в этом признаться себе. Оно понятно, инфорсеру интеллект не нужен, а где нет интеллекта, там нет и коварных планов.

Несмотря ни на что, Чжэнь молчала. Она хотела дожидаться, когда четыреста двадцать шестые разберут мечи и пойдут слушать клятвы своих людей, а до этого момента планировала оставаться в беседке, издали наблюдая за тем, как лунтао командует своими людьми.

Сантана Ривера

Если бы кто-нибудь сейчас внимательно присмотрела к бразильянке, то заметил бы, что она практически не отрывает свой взгляд от Чжоу. Иногда расстояние, даже незначительное, но очень формальное и праздничное, бывает очень полезным. В такие мгновения у тебя есть возможность взглянуть на своего мужчину со стороны. Конечно, ты видишь его каждый день, но торжественность момента накладывает свой отпечаток. Такой гордый, статный, плечи и спину держит прямо. Уверенный в себе лидер. Ее мужчина.

Если вспомнить то время, когда они только познакомились, то чувствуется разница. Он тогда и он сейчас. Возмужал, повзрослел. Да уж, у любой бы ноги подкашивались при виде такого мужчины. А он принадлежит только ей. Еще триаде, конечно, но все равно он только ее. Сильный, уверенный в себе, всегда любимый и желанный.

Сантана поймала себя на мысли о том, что она сейчас едва ли не слюной истекает, глядя на Мина, словно удав на кролика. Наваждение? Или слишком насыщенным стал аромат крови в воздухе? Пантера не дремлет, вот и получилось такое внезапное наваждение. И, чтобы немного переключиться, она переела взгляд на Бизона. С ним точно скучно не бывает. Что, собственно, тут же подтвердилось его якобы желанием отсечь кому-нибудь голову. Да уж. Точно не соскучишься на такой службе.

Мао Чун

- Бизон, ты почему такой debil сегодня? – спросил Гунмао у бугая, когда тот пытался справиться с цзянем. – Не вижу искреннего желания мстить за память Пятерых Предков, а ты – Хранитель Благовоний. Завтра будешь хранить их в Тяньцзине, вечером, как проспишься, езжай сразу с Лысым и его братвой.

Сделал гадость – уже легче. Бизон сегодня не просто был Хранителем Благовоний, он работал мальчиком для битья. Сначала к нему, видимо, пристала Чжэнь. Потом ему влетело от лунтао, и Кот чувствовал бы себя чужим на этом празднике жизни, если бы не внес свою лепту в посвящение Бизона в совсем большие начальники.

Когда с прочностью шей четыреста двадцать шестых разобрались, Гунмао велел им разобрать мечи и идти слушать клятвы сорок девятых. Сам он также вышел из беседки, но без меча. Он встал за спиной лунтао, скрестил руки на груди и принялся наблюдать за младшими братьями с таким видом, будто тщательно искал, к чему придраться. Кот поддерживал репутацию сурового, но справедливого атамана, потому что знал по себе – стоит где дать больше воли, чем нужно, бойцы теряют страх и расслабляются. И Гунмао сейчас старательно делал вид, что будет слушать все две сотни человек, которые будут хором приносить клятвы, и замечать оговорки, будто за каждую из них лунтао спустит шкуру с него лично.

Чжоу Мин

Чжоу казалось, что он физически чувствует на себе взгляд Сантаны, и это немного отвлекало от клятвенных заверений, что шея крепче меча. А Бизона можно было пожалеть, лишь Лысый, который в Тяньцзине жил постоянно, а не ездил в ссылки, фыркнул, услышав про наказание. Он уже понял, что нужно закупать алкоголь к приезду этой прорвы, способной пить алкоголь литрами и не косеть. Не работать же он там на высылках будет.

Когда для четырехста двадцать шестых посвящение закончилось, Чжоу взял один из цзяней и вышел из беседки обратно на окруженную факелами поляну. Сорок девятые немного пересели, и теперь занимали места по отрядам. Отряд, занимавшийся поставками, был небольшим, особенно по сравнению с хутунами или портом, но Чжоу считал, что ему достались сильные бойцы. Он встал напротив своих людей, приготовившись слушать клятвы. Гунмао тоже вышел из беседки и следил за всеми так, будто спросит за каждую оговорку. Чжоу неплохо знал своего наставника, чтобы понимать, что всем если что не влетит. Но все равно это была лотерея: если заметит что-то не по традициям, можно и на дежурство нарваться.

Сейчас четырехста двадцать шестой волновался больше, чем когда приносил клятвы сам. Многие из его людей учили этот длинный текст специально к сегодняшней церемонии, а люди, не испорченные хорошим образованием, не всегда могли с легкостью запоминать подобные вещи. Повезло еще, что все должны были говорить хором, не так будут заметны ошибки и оговорки. Главное, чтобы сорок девятые понимали смысл тех слов, что будут произносить, а что там карается мечами, и что – молниями – дело, на взгляд Чжоу, не первостепенное.

Син Чжу

Злость, зависть, обида и необходимость держать лицо как минимум перед сыновьями Гунмао, с которыми Сину приходилось сейчас быть на равных. Невыносимо. И казалось, что церемония длится уже вечность, за которую можно было рассмотреть всех сорок девятых, которые сейчас рассаживались по отрядам. Сегодня был их день, в то время как будущий лунтао мог лишь кусать губы от злости, потому что отец считал, что он еще не достоин даже сорок девятого номера.

Среди молодых парней, готовившихся приносить клятвы, были те, кого Син помнил по тренировкам с Гунмао, некоторые из них были откровенно слабее него. Но, да, они сутками караулили хутуны или возили контрабанду, а не учились в английских университетах.

Начальники отрядов вышли слушать, как их подопечные будут произносить клятвы. Интересно, в каком из отрядов оказался бы Син, если бы сегодня ему дали право приносить клятвы? Наверняка отец с особым цинизмом стал бы слушать его отдельно от остальных, в порядке сольного номера. Чтобы проверить, не запнется ли наследник на количестве мечей, что должны убить клятвопреступника, не перепутает ли какие слова или предлоги, достаточно ли умным будет при этом его взгляд.

Зато те, кто сегодня стоял в кустах, не будут приносить клятвы на столь масштабной церемонии, а читать священный текст перед тремя-пятью большими боссами проще, чем перед всей пекинской братвой. Вдвойне трудно было из-за того, что Сина знали все эти люди и косились на него то с любопытством, то снисходительно, то едва ли не с чувством превосходства. Ничего, будет время, когда им придется слушаться, и Син все еще верил, что добьется авторитета не только по праву рождения, но и доказав, что недаром он – сын лунтао.

Цхао Ван

Цхао сел возле Йена в той части поляны, где велел лунтао. Он пригубил вино с кровью жертвенного петуха, затем взял у подошедшего мальчишки благовоние. Сердце заколотилось чаще, и в какой-то момент сорок девятому показалось, что он напрочь забыл текст клятв, который он честно зубрил. Из беседки вернулись Чжоу и Гунмао, и казалось, что они только на него и смотрят. Обнаженная спина Цхао взмокла, то ли от жара, который шел от факелов, то ли от волнения. А затем начались клятвы.

— После прохождения через Красные ворота я должен относиться к родителям и родственникам моих братьев по клятве как к своему роду. Я умру мучительной смертью от пяти молний, если нарушу эту клятву.

Все говорили одновременно, и две сотни голосов сливались в единый хор. Цхао старался говорить громче, чтобы его было слышно среди остальных, и краем уха он слышал, как читают текст другие братья из отряда Чжоу.

— Я буду помогать моим братьям по клятве хоронить их родителей и братьев, предлагая материальную и физическую помощь. Я буду убит пятью молниями, если сделаю вид, что не знаю об их бедах. Когда братья Хун навеснят мой дом, я дам им кров и приют. Я буду убит мириадами ножей, если отнесусь к ним как к чужакам. Я всегда узнаю братьев Хун, когда они идентифицируют себя. Если я их проигнорирую, я буду убит мириадами мечей.

Текст всплывал в памяти, как известная с детства молитва. Он звучал в каком-то особом ритме, казалось, голоса становились все громче, а на смену волнению приходила уверенность.

— Я не должен раскрывать секреты семьи Хун, даже своим родителям, братьям и жене. Я никогда не раскрою секреты за деньги. Меня убьют мириады мечей, если я так поступлю. Я никогда не предам братьев по клятве.

Никогда. Сейчас, когда его голос был одним из двух сотен, Цхао чувствовал, что произносит эту фразу искренне. Ему казалось, что иначе просто не может быть.

— Если, по недопониманию, я стану причиной ареста одного из моих братьев, я должен немедленно его освободить. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я предложу финансовую помощь братьям по клятве, находящимся в беде, чтобы они могли выплатить залог и т.п. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я никогда не причиню вред моим братьям по клятве и Старшему Брату. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я никогда не буду вести себя недостойно в отношении жен, сестер и дочерей моих братьев по клятве. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву.

— Я никогда не отниму деньги и собственность моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я буду заботиться о жене и детях братьев по клятве, которые были вверены мне для заботы. Если я так не сделаю, меня убьет пять молний. Если я сообщил о себе ложную информацию, чтобы стать членом семьи Хун, меня убьет пять молний. Если я изменю свое мнение и отрекусь от членства в семье Хун, меня убьют мириады мечей.

Вся поляна пропахла резким, но теплым запахом благовоний, тлевших в руках

братьев. Этот запах вгонял в транс, в нем ритм произносимых клятв казался священной песней, диктовавшей сердцу, как нужно биться. Цхао чувствовал, что только в окружении братьев, только в единстве с семьей он может быть при деле и в относительной безопасности. Никакие деньги, власть и обещания полиции забыть про твои грехи в обмен на сотрудничество не заменят этого ощущения принадлежности к семье, которого были лишены большинство сорок девятых, воевавших со всем миром до тех пор, пока не оказались под крылом триады.

— Если я ограблю брата по клятве или помогу другому это совершить, меня убьет пять молний. Если я воспользуюсь преимуществом в отношении моего брата по клятве, чтобы вести с ним бизнес нечестным образом, меня убьют мириады мечей. Если я осознанно переведу деньги или имущество моего брата по клятве в свое личное пользование, я буду убит пятью молниями. Если я по ошибке во время ограбления завладел деньгами или имуществом брата по клятве, я обязан их вернуть. Если я так не сделаю, меня убьют пять молний. Если я буду арестован во время совершения преступления, я должен принять наказание, не подвергая обвинению братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний.

Для Цхао все, что он говорил, было единственно возможной правдой. Ему казалось, что клятвы обладали магическим действием, стоило только произнести их вслух. Он уже верил и в мечи, и в молнии.

— Если кто-то из моих братьев по клятве будет убит, арестован или выслан в другое место, я буду помогать его жене и детям, которые могут находиться в нужде. Если я сделаю вид, что мне неизвестно об их трудностях, меня убьет пять молний. Если другие пристают или обвиняют моих братьев по клятве, я должен вступить за них и оказать помощь, если он прав, или посоветовать ему сдаться, если он неправ. Если другие неоднократно на него нападают, я должен сообщить об этом остальным братьям, чтобы оказать ему физическую или финансовую помощь. Если я не сдержу эту клятву, меня убьет пять молний. Если мне станет известно, что правительство ищет кого-то из моих братьев по клятве, который приехал из другой провинции или из-за границы, я должен немедленно ему сообщить, чтобы он мог сбежать. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний.

Мысли терялись, растворяясь в запахе благовоний и гуле голосов. Но Цхао чувствовал на себе взгляды Чжоу, Гунмао и даже лунтао. Он хотел, чтобы они сейчас его заметили, чтобы слышали его голос среди остальных. Он произносил клятвы, не сбиваясь и не оговариваясь, хотя сейчас уже с трудом замечал произносимые им слова.

— Я не должен сговариваться с чужаками, чтобы обмануть моих братьев во время азартной игры. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я не должен вызывать разлад среди моих братьев по клятве, распространяя ложные сообщения о ком-либо из них. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я не должен назначать себя старшим братом. Через три года после прохождения через врата Хун лояльные и преданные могут быть повышены в звании с поддержкой братьев по клятве. Меня убьют пять молний, если я самолично присвою себе титул. Если мои родные братья вовлечены в спор или тяжбу с моими братьями по клятве, я не должен принимать чью-либо сторону, но должен способствовать мирному обоюдовыгодному решению проблемы.

Клятвы были единственным законом, существовавшим для братьев. Но этот закон нельзя было нарушать не только под страхом условных наказаний от небес, но и под страхом смерти от рук своих же. Это Цхао знал задолго до того, как выучил тот текст, что произносил сегодня.

— Если я нарушу эту клятву, меня убьют пять молний. После прохождения через врата Хун я должен забыть обо всех обидах и претензиях в отношении братьев по клятве. Если я так не поступлю, меня убьют пять молний. Я не должен переходить дорогу моим братьям по клятве, покушаясь на их территорию. Меня убьют пять молний, если я сделаю вид, что не знаю об их интересах. Я не должен жаждать или искать имущество моих братьев по клятве. Если у меня возникнут такие мысли, меня убьют. Я не должен сообщать, где мои братья по клятве хранят свое богатство, также я не должен использовать эти знания неправильно. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должен поддерживать чужаков в том, что противоречит интересам моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должен использовать братьев Хун как средство устрашения или физического давления в необоснованных случаях. Я должен быть умеренным и честным. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний.

Братья отличались от разбойников с большой дороги тем, что не стремились быстро урвать наживу. Триады традиционно добивались того, чтобы их бизнес приносил стабильный долгосрочный доход, не помогешь росткам, вытаскивая их из земли. Именно в этом заключались умеренность и честность.

— Меня убьет пять молний, если я поведу себя грубо в отношении маленьких детей моих братьев по клятве. Если кто-то из моих братьев по клятве совершил серьезное преступление, я не должен сообщать об этом правительству для получения награды. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву. Я не должен забирать себе жен и наложниц моих братьев по клятве, а также совершать с ними прелюбодеяния. Если я поведу себя так, меня убьют мириады мечей. Я никогда не раскрою чужакам секреты и знаки семьи Хун. Если я нарушу это, меня убьют мириады мечей. После прохождения врат Хун я должен быть предан и честен и должен действовать для свержения Цин и восстановления династии Мин, объединив усилия с братьями по клятве, даже если принадлежим мы к разным профессиям. Наша общая цель — месть за наших Пятерых Предков.

Цхао затушил благовоние, воткнув ароматическую палочку горящим концом в землю, и опустил глаза. Внезапно наступившая тишина показалась странной и звенящей.

Цинь Лю

В некотором определенном смысле это неприятно - когда все происходящее вокруг цепляет лишь по касательной, поверхностно, не накладывая реального, осязаемого, почти осязаемого отпечатка впечатлений - но сейчас это даже помогает. Нервничать и уж тем более психовать Растаман не приучен - Цинь лишь отрешенно наблюдает за происходящим, правда, восхититься этой картиной он не в силах. Что-то постоянно моргает перед глазами, смазывается, одна картинка накладывается на другую, а чужие слова так вообще стремятся слиться в ушах в один неразборчивый

гул - в общем, Цинь немного не здесь. И это, наверное, повод для беспокойства... Или нет.

Растаман просто-напросто подхватывает движение соседа с легким отставанием, как в незамысловатой игре в волну - но по-прежнему словно наблюдает за всем сквозь какое-то толстое стекло, мешающее по-настоящему почувствовать сцену. На фоне общей смазанности неожиданной резкостью в картинку врывается вкус - то ли сладкий, то ли солоноватый, пес его знает какой - подобрать к нему определение за всего один глоток вина Цинь так и не успевает. Казалось бы, к запаху благовоний уже давно пора было привыкнуть - но когда держишь эту дымящуюся палочку в руках, запах усиливается - и почему-то становится почти невыносимым, так что хочется начать хватать воздух ртом, как выброшенная на берег рыба... Не обращать на все это внимания и твердить текст с ускользающим смыслом - задача далеко не легкая...

— После прохождения через Красные врата я должен относиться к родителям и родственникам моих братьев по клятве как к своему роду. Я умру мучительной смертью от пяти молний, если нарушу эту клятву.

При чем здесь пять молний и какое им дело до происходящего в Пекине, что в случае чего они аж лично вмешаются, Цинь представляет себе весьма и весьма смутно - да и вообще для Растамана кое-как зазубренный им текст перегружен аллегориями и задумчивыми словами. Помнится, Лю еще пытался у кого-то уточнить, кто такие мириады и какое им дело до всех до нас - но, кажется, внятного ответа так и не получил...

— Я буду помогать моим братьям по клятве хоронить их родителей и братьев, предлагая материальную и физическую помощь. Я буду убит пятью молниями, если сделаю вид, что не знаю об их бедах. Когда братья Хун навестят мой дом, я дам им кров и приют. Я буду убит мириадами ножей, если отнесусь к ним как к чужакам. Я всегда узнаю братьев Хун, когда они идентифицируют себя. Если я их проигнорирую, я буду убит мириадами мечей.

В исполнении Растамана клятва звучит наверняка далеко не так гордо, как замышлялась изначально - просто оттарабанить худо-бедно заученный текст не получается, на "мириадах" так Цинь вообще каждый раз слегка подвисает - спасает только то, что произносимых товарищами слов сорок девятый не разбирает, поэтому спокойно чешет в своем темпе, не замечая потихоньку накапливающегося отставания и не загоняя слова клятв.

— Я не должен раскрывать секреты семьи Хун, даже своим родителям, братьям и жене. Я никогда не раскрою секреты за деньги. Меня убьют мириады мечей, если я так поступлю. Я никогда не предам братьев по клятве.

— Если, по недопониманию, я стану причиной ареста одного из моих братьев, я должен немедленно его освободить. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я предложу финансовую помощь братьям по клятве, находящимся в беде, чтобы они могли выплатить залог и т.п. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний. Я никогда не причиню вред моим братьям по клятве и Старшему Брату. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я никогда не буду вести себя недостойно в отношении жен, сестер и дочерей моих братьев по клятве. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву.

— Я никогда не отниму деньги и собственность моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я буду заботиться о жене и детях братьев по клятве, которые были вверены мне для заботы. Если я так не сделаю, меня убьет пять молний. Если я сообщил о себе ложную информацию, чтобы стать членом семьи Хун, меня убьет пять молний. Если я изменю свое мнение и отрежусь

от членства в семье Хун, меня убьют мириады мечей.

– Если я ограблю брата по клятве или помогу другому это совершить, меня убьет пять молний. Если я воспользуюсь преимуществом в отношении моего брата по клятве, чтобы вести с ним бизнес нечестным образом, меня убьют мириады мечей. Если я осознанно переведу деньги или имущество моего брата по клятве в свое личное пользование, я буду убит пятью молниями. Если я по ошибке во время ограбления завладел деньгами или имуществом брата по клятве, я обязан их вернуть. Если я так не сделаю, меня убьют пять молний. Если я буду арестован во время совершения преступления, я должен принять наказание, не подвергая обвинению братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний.

Цинь клянется, не вполне понимая произносимые им слова и не понимая, зачем обставлять все так не в меру торжественно и серьезно - нет, лунтао, конечно, должно быть видней, но все же... Для Растамана перепертые на более примитивный слог клятвы являлись чем-то интуитивно понятным и самим собой разумеющимся, в чем не требуется так громко и эффектно заверять окружающих - но, раз уж велено...

– Если кто-то из моих братьев по клятве будет убит, арестован или выслан в другое место, я буду помогать его жене и детям, которые могут находиться в нужде. Если я сделаю вид, что мне неизвестно об их трудностях, меня убьет пять молний. Если другие пристают или обвиняют моих братьев по клятве, я должен вступить за них и оказать помощь, если он прав, или посоветовать ему сдаться, если он неправ. Если другие неоднократно на него нападают, я должен сообщить об этом остальным братьям, чтобы оказать ему физическую или финансовую помощь. Если я не сдержу эту клятву, меня убьет пять молний. Если мне станет известно, что правительство ищет кого-то из моих братьев по клятве, который приехал из другой провинции или из-за границы, я должен немедленно ему сообщить, чтобы он мог сбежать. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний.

За свою память, способную отмочить какой-нибудь дикий крендель в самый неподходящий момент, Цинь слегка переживает до сих пор и до упора - но пока все идет хорошо. И, по-прежнему спотыкаясь на малознакомых словах, Растаман кое-как тащится к финалу всех этих клятвоизвержений.

– Я не должен сговариваться с чужаками, чтобы обмануть моих братьев во время азартной игры. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я не должен вызывать разлад среди моих братьев по клятве, распространяя ложные сообщения о ком-либо из них. Если я так поступлю, меня убьют мириады мечей. Я не должен назначать себя старшим братом. Через три года после прохождения через врата Хун лояльные и преданные могут быть повышены в звании с поддержкой братьев по клятве. Меня убьют пять молний, если я самолично присвою себе титул. Если мои родные братья вовлечены в спор или тяжбу с моими братьями по клятве, я не должен принимать чью-либо сторону, но должен способствовать мирному обоюдновыгодному решению проблемы. Если я нарушу эту клятву, меня убьют пять молний. После прохождения через врата Хун я должен забыть обо всех обидах и претензиях в отношении братьев по клятве. Если я так не поступлю, меня убьют пять молний. Я не должен переходить дорогу моим братьям по клятве, покушаясь на их территорию. Меня убьют пять молний, если я сделаю вид, что не знаю об их интересах. Я не должен жаждать или искать имущество моих братьев по клятве. Если у меня возникнут такие мысли, меня убьют. Я не должен сообщать, где мои братья по клятве хранят свое богатство, также я не должен использовать эти знания неправильно. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должен поддерживать чужаков в том, что противоречит интересам моих братьев по клятве. Если я нарушу эту клятву, меня убьют мириады мечей. Я не должен использовать

братьев Хун как средство устрашения или физического давления в необоснованных случаях. Я должен быть умеренным и честным. Если я нарушу эту клятву, меня убьет пять молний.

– Меня убьет пять молний, если я поведу себя грубо в отношении маленьких детей моих братьев по клятве. Если кто-то из моих братьев по клятве совершил серьезное преступление, я не должен сообщать об этом правительству для получения награды. Меня убьет пять молний, если я нарушу эту клятву. Я не должен забирать себе жен и наложниц моих братьев по клятве, а также совершать с ними прелюбодеяния. Если я поведу себя так, меня убьют мириады мечей. Я никогда не раскрою чужакам секреты и знаки семьи Хун. Если я нарушу это, меня убьют мириады мечей. После прохождения врат Хун я должен быть предан и честен и должен действовать для свержения Цин и восстановления династии Мин, объединив усилия с братьями по клятве, даже если принадлежим мы к разным профессиям. Наша общая цель – месть за наших Пятерых Предков.

Последние фразы Цинь произносит кое-как как, уже очень и очень смутно представляя себе династии, из-за которых идет весь сыр-бор. И втыкает благовоние горящим концом в землю, борясь с желанием вывалить язык на плечо, почти как делают загнанные собаки. Подобно тому, как после длинной пробежки трясутся колени – так и у Растамана сейчас, кажется, после столь долгой речи дрожит горло...

Тай Чун

Тай уже не прислушивался к тексту клятв, среди двусхсот голосов расслышать что-то конкретное было сложно, но можно, но он и так знал, за что кого должна убить молния, а кого убить мириады мечей. Он пристально рассматривал сорок девятых, приносивших клятвы, с таким видом, будто был готов вцепиться в горло любому из них за одну только единственную ошибку. Тай терпеть не мог людей, которые даже в таком деле могут ляпнуть какую-нибудь глупость – и он покосился на восторженного близнеца. Вот уж кто бы перепутал все на свете вместе с мечами и прочим, но, кажется, Тео по этому поводу совсем не волновался. И все равно он не мог осуждать брата. Это Тео, ему простительна любая ерунда. А любой, кто на эту ерунду укажет с видом не снисходительным, а суровым, будет записан в личные враги Тая и жизнь у него будет ох какая несладкая.

Тай постарался рассмотреть Сантану в глубине беседки, надеясь, что ее сейчас видно лучше, чем раньше. Если напрямь сзерию, то можно было заметить ее еще более смуглое в свете факелов лицо, но она, не отрываясь, смотрела на Чжоу. Тай почувствовал едкое чувство, смесь злости и зависти. Он никогда раньше не думал о том, что ее чувства к Чжоу хоть сколько-то видимы, если честно, он просто не воспринимал их. Для него она была сифу, наставницей, которой прощалось многое, для него она была женщиной, которой, как и матери, позволялось многое, но только сейчас он получил от нее явное подтверждение того чувства, к какому он привык, обычно наблюдая отношения матери и отца. Они называли это любовью. Тай называл это ерундой, но в целом относился к этому снисходительно. Пока не нашла коса на камень.

Сифу ему нравилась, насколько может вообще взрослая женщина нравиться четырнадцатилетнему парню. Замечать ее вжадный взгляд, задержавшийся на Чжоу, было для него невыносимо. Тут две с небольшим сотни полуобнаженных мужчин, почему она смотрит именно на него?!

Тео Чун

Папа выглядел еще суровее, чем обычно, словно соревновался по суровости с лунтао. Тео его никогда таким не видел, и он встал смиренно, боясь вызвать гнев на себя. Тео знал, что в такие торжественные моменты, которые касались предков, цинмина, клятв и прочего, папа может вывернуться на любую даже кажущуюся незначительной мелочь, и уж лучше пусть папа срывает всех собак на других, чем на немс Таем. Хотя Таю это и не грозит, он просто по определению не может совершить какую-нибудь ошибку.

Многих из тех, кто приносили сейчас клятвы, Тео знал или хотя бы не раз видел - люди из охраны Ли, люди с проходных в их доме, их водитель Чжан, в основном, конечно, знакомыми были ребята из охраны, потому что этим постоянно велелось то забрать их из школы, то отвезти их в школу, то еще куда, то еще откуда. Тео же было интересно познакомиться со всеми остальными, даром что их там человек двести. Ему было занятно узнать, чем занимаются другие отряды под командованием трехзначным, знал только, что у всех у них разная специализация, если можно так выразиться. Тео, даже не подозревая о том, что о том же самом думает сяо лунтао (Тео уже забыл, что он стоит неподалек от них, также шкерясь в кустах), подумал о том, в каком бы отряде работал он. Отдал бы папа его к людям Бизона или Чжоу или наоборот, под крыло к Ли, чтобы быть постоянно на глазах лунтао. Насколько Тео знал, у папы больше не было личного отряда, вся эта толпа перед ним была его личным отрядом и состояла не только из сорок девятых, но и прочих трехзначных. Он мог взять любого и сказать - иди за мной, и тот бы послушно шел и никто бы слова ему против не сказал. Здорово, наверное, обладать такой властью. Страшно только подумать, о скольком надо думать, когда обладаешь такой властью. Тео знал, что для того, чтобы быть лидером, нужно этим лидером стать. Он же не чувствовал в себе задатки лидерских качеств - ему было легче идти следом за Таем, быть ведомым. Его чувства к Таю были сильнее братских, это была беззаветная преданность собаки к хозяину, преданность, которая могла стерпеть что угодно, и он бы все равно приполз к нему на брюхе, виляя хвостом, будь брат жесток или ласков, добр или холоден.

Лао Чжу

Сорок девятые принялись читать клятвы, и лунтао замер с серьезным видом, слушая этот многоголосый хор. Кто-то оговаривался, кто-то опускал глаза, споткнувшись на очередной фразе, но в целом клятвы все выучили и говорили достаточно четко. Важнее, чтобы каждый из этих бойцов помнил их смысл, как, например, помнили четыреста двадцать шестые, в преданности которых Тигр не сомневался ни на мгновение. Или как был предан стоявший поблизости Кот, не раз чудом отбивавший город с горсткой бойцов на голом энтузиазме. Бойцы триады — это особая порода людей, у которых со временем ослабевает инстинкт самосохранения, а вместо него возникают особые моральные ценности, соответствующие звучащим сейчас клятвам, а не законам неба и людей.

Когда клятвы стихли, лунтао взял цзянь, лежавший под танкой, и подошел к одному из сорок девятых отряда Ли, кого он ежедневно видел в личной охране.

- Что крепче, меч или твоя шея? — спросил Тигр.

- Моя шея, - чуть испуганно отозвался сорок девятый.

- Не слышу, - громче сказал лунтао.

- Моя шея, - упрямо и на этот раз громко ответил парень.

Цзянь коснулся шеи сорок девятого плашмя, после чего лунтао вернулся на свое место.

- Ваши шеи крепче меча, - объявил он уже всем братьям. – Я это знаю, поэтому не прошу ваших командиров проверять. С сегодняшнего дня вы – кровные братья, вы отвечаете друг за друга. Вы понимаете, что от вашей доблести зависит существование семьи, от вашего умения молчать – ваши жизни и жизни ваших братьев. Наша семья сильна, как никогда, мы обладаем большей властью в городе, чем те, кто считается официальными властителями. В наших силах эту власть удержать.

Он подал знак младшим, чтобы они поднесли пиалы с рисовой водкой всем, кто сейчас приносил клятвы. Сейчас наступал бенефис сяо лунтао, который станет лучшей мотивацией для Сина, чтобы хоть чего-то добиться самостоятельно.

Сяодунь Хань

Вот так, удалось нарваться на ровном месте практически в день торжественного назначения. Второй раз, между прочим. Это определенно был не день Бизона. Он давно не был в Тяньцзине, и еще долго бы туда не поехал, но Гунмао редко бывал человечен. А тут вообще обозлился непонятно на что.

Пока сорок девятые приносили клятвы, Хранитель Благовоний думал, сколько времени уйдет на ту часть ритуала, в которой цзянь проверял прочность шей. Не до утра, конечно, но руки устанут махать мечом. При этом именно Бизон формально отвечал за организацию церемонии, и если ему и было кого винить, то только себя самого.

Но халява от небес объявилась внезапно: лунтао сам сократил церемонию, перейдя к той части, где нужно было пить водку, а не махать цзянем, то есть к куда более приятному времяпрепровождению. Бизон чуть удивленно поднял брови, но затем вновь нахмурился, чтобы вдруг кто не заметил, что Хранитель Благовоний может быть не в курсе чего-то в сегодняшнем ритуале.

Официальная часть подходила к концу. После тоста, который пока не прозвучал, можно было одеваться и идти в ресторан, где еды и алкоголя было закуплено с таким запасом, будто в «Речных заводах» собралось втрое больше народу, чем присутствовало на самом деле.
